

Отдельные номера въ Петръградѣ семьдесятъ пять (75) коп., въ провинціи восемьдесятъ (80) коп., на станціи жел. дор. 85 коп.



Рисунокъ для «Огонька» худ. С. ЛОДЫГИНА.



## Отъ Главной Конторы журнала „ОГОНЕКЪ“.

Непомѣрно возросшіе расходы по изданію вынуждаютъ насъ, какъ это сдѣлали уже ежедневныя газеты, стоящія теперь вмѣсто 30—40 к., повысить ВРЕМЕННО цѣну „Огонька“ въ розничной продажѣ также на 10 коп.

Цѣна „Огонька“, начиная съ этого, 9-го, номера:

— Въ Петроградѣ 75 коп. ♦ Въ Петроградѣ 80 коп. ♦ На ст. жел. дорогъ 85 коп. —

Къ свѣдѣнію артелей и продавцовъ журналовъ и газетъ:

Выдача „ОГОНЬКА“ для розничной продажи:

въ типографіи журнала

(Государственная Типографія, Гатчинская, 26, входъ со двора),

въ Невскомъ отдѣленіи конторы „ОГОНЬКА“ — Невскій пр., 50

и во временной конторѣ „ОГОНЬКА“ Галерная, 63, кв. 2, комната 4.

### Berceuse.

Отдохни, мое сердце усталое...  
Гаснетъ небо вечернее, алое,  
Голубые слетаются сны...  
Отдохни, отдохни...

Сердце грустное, все испытавшее,  
Все отдавшее, все потерявшее,  
Отдохни... ночь прохладой полна,  
И кругомъ тишина...

Слишкомъ жарко ты, бѣдное,  
вѣрило,  
Щедро золото чувства не мѣрило,  
Раздарило цвѣты и огни...  
Но теперь... отдохни...

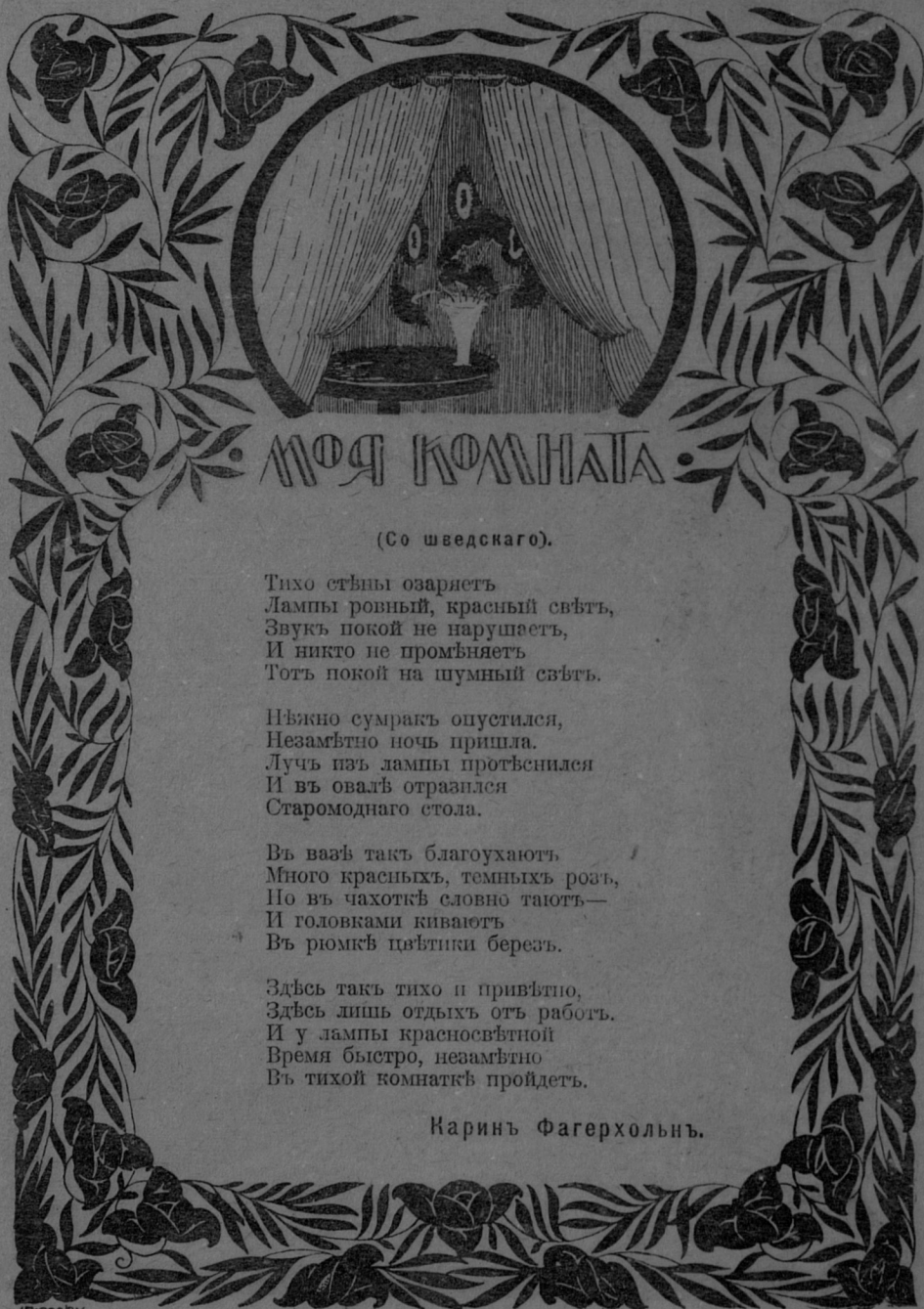
Ты въ порывѣ восторга безпеч-  
наго  
Ждало счастья большого и вѣч-  
наго,  
Чаша жизни казалась сладка...  
Отдохни... ночь близка...

Сердце нищее, муки принявшее,  
Съ выси солнечной въ бездну  
упавшее,  
Отдохни... лунный серпъ надъ  
рѣкой  
Сторожить твой покой...

Сердце, полное горькой отравой,  
Отдохни... надъ росистыми тра-  
вами

Голубые сплетаются сны...  
Отдохни... отдохни...

Елена Кнютферъ.



(Со шведскаго).

Тихо стѣны озаряетъ  
Лампы ровный, красный свѣтъ,  
Звукъ покоя не нарушаетъ,  
И никто не промѣняетъ  
Тотъ покой на шумный свѣтъ.

Нѣжно сумракъ опустился,  
Незамѣтно ночь пришла.  
Лучъ изъ лампы протѣснился  
И въ овалъ отразился  
Старомоднаго стола.

Въ вазѣ такъ благоухаютъ  
Много красныхъ, темныхъ розъ,  
Но въ чашоткѣ словно таютъ—  
И головками киваютъ  
Въ рюмкѣ цвѣтики березъ.

Здѣсь такъ тихо и привѣтно,  
Здѣсь лишь отдыхъ отъ работъ.  
И у лампы красносвѣтной  
Время быстро, незамѣтно  
Въ тихой комнаткѣ пройдетъ.

Каринъ Фагерхольмъ.

312 н/з

м. н 89

1 2  
312 н/з  
1918 н/з

Рукописи, присланные без  
обязательности, оплачи-  
ваются по определению  
редакции. Возвращение ру-  
кописей не обязательно.  
Редакция просит фотогра-  
фов-любителей и профес-  
сиональных присылать от-  
четливые снимки выдаю-  
щихся событий. Помещен-  
ные в журнал фотографии  
оплачиваются по принятой  
редакцией расценке.

Еженедельный художественно-литературный  
ЖУРНАЛ  
**ОГОНЬКЪ**  
Годъ издания II-й.

Цѣна „Огонька“  
въ розничной продажѣ:  
въ Петроградѣ 75 коп.  
въ Петрограда 80 коп.  
на ст. жел. дор. 85 коп.  
—  
Редакція „Огонька“  
Петроградъ, Офицерская ул.  
№ 54.

№ 9

Воскресенье, 5 мая (22 апрѣля) 1918 г.

№ 9

Перепечатка литературнаго, художественнаго и фотографическаго матеріала „Огонька“ безъ полнаго указанія  
источника воспрещается (законъ 20 марта 1911 г.).

Рис. худ. С. ЛУЗАНОВА.



Тучи.

Въ небѣ черныя тучи,  
Словно черныя птицы,  
За туманное поле  
Вольной стаей летятъ.  
О счастливыя! Чужды  
Имъ земныя невзгоды:  
Нѣтъ имъ дѣла до счастья  
И до горя людей.  
Мы въ оковахъ неволи  
Безысходной томимся,  
Въ мукахъ тяжкаго рабства  
Задыхаемся мы.  
Стаи тучъ улетають  
Въ голубые просторы,  
Прочь отъ насъ — отъ позора  
Нашихъ думъ, нашихъ дѣлъ.  
Надъ лѣсами, полями  
Въ даль уносятся тучи,  
Отдыхая на кручахъ  
Мирно дремлющихъ горъ.  
Колыбельною пѣсней  
Ихъ баюкають сосны,  
Дикимъ клекотомъ будятъ  
Ихъ орлы на зарѣ.  
Дальше, дальше! — надъ ширью  
Вольношумнаго моря  
Рѣютъ черныя крылья  
Въ даль стремящихся тучъ.  
О счастливыя! Чужды  
Имъ земныя невзгоды:  
Нѣтъ имъ дѣла до счастья  
И до горя людей.

Л. АНДРУСОНЪ.



# Тутъ земля

## чистая!

Разсказъ

В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.

Иллюстрировалъ для «Огонька» худ. С. ЛОДЫГИНЪ.

Какая это была ночь!

Все было кругомъ отъ луннаго свѣта, точно снѣгомъ засыпано и на бѣломъ черно-синія рѣзкія тѣни кипарисовъ. За ними робкіе желтые огоньки въ окнахъ плоскокровельныхъ домовъ и на высотѣ вся будто изъ матоваго серебра старая арабская башня. Откуда выросла она — не видно. Виситъ въ этой сіяющей ясности или начали башню строить сверху да такъ и не довели до земли?..

Мы сидѣли надъ обрывомъ въ море, далеко внизу трепетавшее отраженіемъ мерцаніемъ. Давно съ башни муэззинъ пропѣлъ священные призывы послѣдняго намаза.

— Тутъ земля чистая!

Мой спутникъ сбросилъ бѣлую джеллабу и весь смуглый, точно вырѣзанный рѣзко и четко изъ темной бронзы, сидѣлъ посреди этого блеска.

— Тутъ земля чистая — наша земля. Кругомъ Сеннаа, гдѣ всякое дыханіе славитъ Аллаха. Тамъ — онъ кивнулъ къ заставшей далеко на сѣверъ полярной звѣздѣ — тоже нѣтъ устъ, которыя не призывали бы пророка... Черезъ море Миссиръ съ такими джамиами, какихъ нѣтъ нигдѣ. А туда, обернувшись онъ, дорога въ священную Мекку. Тутъ земля чистая!.. Сейчасъ только ты, да еврей Даудъ не наши.. Но ты чтинь наши мекиты. Почему знать, можетъ быть пророкъ просвѣтитъ твое сердце. Ты видѣлъ Абдалаха изъ Суакима?

— Да... Мы съ нимъ жили вмѣстѣ въ Джеддѣ когда то.

— Ну вотъ. Онъ тоже насрани былъ. И какой насрани — англичанинъ. А вѣдь изъ всѣхъ насрани англичане самые упорные. Что же? Поселился у насъ, одѣлся по нашему. Этотъ садъ, въ которомъ ты живешь — его. У шейха купилъ. Сколько поколѣній пережили кипарисы. Такихъ нѣтъ кругомъ. Въ Миссирѣ есть — у насъ нѣтъ. Ну а потомъ Абдаллахъ съ караваномъ черезъ всю Аравію въ Москатъ прошелъ и вернулся оттуда правовѣрнымъ. Нашу мечеть — она разваливалась — поставилъ. Минаретъ поднялъ. Михрасъ весь изразцами отдѣлалъ и по нимъ имя Единого чистымъ золотомъ вывелъ. Те-

перь у насъ тамъ какъ въ раю. Источники горные разбудилъ въ утесахъ Эблиса и по каменнымъ столбамъ повелѣлъ имъ сюда течъ и поить нашъ солнечный жаркій городъ... Пески были, но наши пески благодарны. Онъ утолилъ ихъ жажду и они отвѣтили ему цвѣтами прохладныхъ рошъ...

— А все сдѣлала дѣвушка изъ Маската!.. Какъ онъ ее увидѣлъ — никто не знаетъ. Должно быть пророкъ привелъ ее на путь невѣрнаго. Совсѣмъ насрани потерялъ себя. Дочь купца изъ Маската. Говорятъ, онъ предлагалъ ей отцу: на одну чашку вѣсовъ ее, а на другую золота. Отецъ не согласился. Не хотѣлъ отдавать за христіанина... Ну, сталъ онъ нашимъ, совсѣмъ нашимъ. Со своими въ Каирѣ не встрѣчался. Долго жилъ. Бѣлый дворецъ купилъ у шейха. Весь его коврами покрылъ. У него тамъ живыя воды въ

мнѣ: кто-то за ними у самой кубы разговариваетъ, стонетъ и плачетъ. Это она стучится къ нему въ бѣлую стѣну, зоветъ его... Скажи мнѣ, ваши женщины умѣютъ такъ любить?

Внизу на огнистомъ трепетномъ морѣ вся черная вырѣзалась лодка съ косымъ саррацинскимъ парусомъ. Быстро бѣжала мимо и оттуда доносилась сюда въ сказочное царство луннаго свѣта и молитвенныхъ кипарисовъ одними нѣжными вздохами печальная пѣсня.

Арабъ прислушался.

— Это поетъ юноша изъ Маріары... У нихъ всегда пѣсня тоскуетъ. Отъ Маріары до Вадихальфа нѣтъ счастливой пѣсни... Тамъ когда радуются — говорятъ, а когда плачутъ — поютъ. Отъ ихъ пѣсенъ сердце, какъ птица въ клѣткѣ... Все равно и слово, и смѣхъ и пѣсня угодны Аллаху. Онъ даровалъ ихъ людямъ. Чтобы они святости Его...

Ты видѣлъ нашихъ дервишей Айсса? Они, смѣясь, молятся... Радуются Единому... И даже пляшутъ отъ радости. Да у насъ земля — чистая, святая!

Ночь разгоралась все ярче и ярче.

Что-то сказочное творилось въ ея таинственномъ блескѣ далеко позади мерещились бѣлыя вершины каменныхъ горъ, изъ-за черныхъ кипарисовъ весь своимъ строимъ профилемъ выступалъ странный причудливый городъ высокихъ и узкихъ домовъ. Очи ихъ гасли — желтый огонекъ за желтымъ

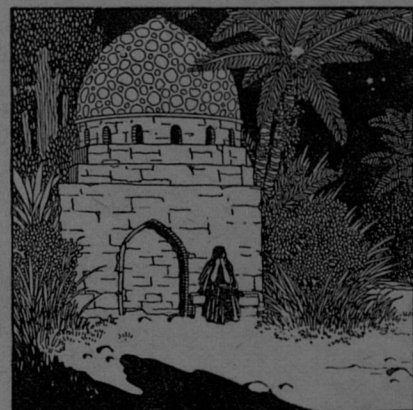
огонькомъ. И скоро всѣ ихъ окна точно смежили вѣки. Казалось на ихъ мѣстѣ выступили безчисленныя черныя ласточкины гнѣзда...

— А его жена?

— Ото всего міра заперлась и живеть его памятью. Дѣтей видитъ рѣдко. Сыновья въ отцовскую кровь пошли: служатъ въ Миссирѣ. Дочь за шейхомъ Ибраимомъ. Также красавица — въ мать. Большой за нее выкупъ взяла. Три каравана привозили ей неисчислимыя сокровища. Она одна.

— И никто ее не видитъ?

— Нѣтъ. Въ такія свѣтлыя ночи, какъ эта, сидитъ у его кубы. Тамъ такой же садъ. Кипарисы еще старѣе этихъ и между ними бѣлая куба съ голубымъ изразцовымъ куполомъ. Какъ бирюза подъ луною. Скамья, а на ней — двова вся въ черномъ. Послѣ его смерти даже рабыни не видѣли ея лица. Да и голосъ ея рѣдко слышать... Разъ я шелъ мимо. Кругомъ вѣдь варварійскія фиği переплелись. Иглы — вотъ. Ключья мяса на нихъ оставишь. Ну такъ почудилось



А юноша изъ Маріары все плакалъ своею безконечною пѣсней на трепетавшемъ несмѣтными искрами морѣ.

В. И. Немировичъ-Данченко.



# ГДѢ ОНЪ?



## Разсказъ ЗИНАИДЫ ГИППУСЪ.

Иллюстраціи Т. ГИППУСЪ.

Раннее февральское утро.

Одно изъ тѣхъ утръ начала февраля, которыхъ нынче не было. Нынче Петербургу приказали жить съ февральской середины. И провалилъ онъ начальные дни свои.

Вотъ, вставало утро одного такого небывшаго, проваленнаго дня.

Сѣровато, не морозно—не оттепельно. Криво и нерѣшительно. Подъ шинельнымъ, диконькимъ, небомъ—свѣтло-шинельная, снѣговая степь: набережная. Переходила она въ снѣговья плоскогорья, потомъ въ кряжи. Обрывисто падали кряжи въ Неву, опять въ снѣговую степь. И ей—ужъ не было конца.

На нее, въ пролетъ площади, съ каменнымъ равнодушіемъ смотрѣлъ Исакій.

Каркали голодные вороны въ тонкихъ прутьяхъ сквера. Цѣлились на дохлую лошадь, что тутъ валялась съ новаго года, а сегодня съ разсвѣта на ней рычали собаки; воронью все-таки было боязно. А летѣть къ рѣшеткѣ Лѣтняго сада, гдѣ тоже своя падалъ—полное безразсудство: коренныя тамошнія вороны, районныя, исаакіевскія не дадутъ подступиться.

Проходили, пошатываясь, бабы: на сосѣднихъ улицахъ съ полуночи хвостились и теперь ползли домой. Продышало туго полужизломанный автомобиль съ запозднившимися на грабежъ товарищами. Все-таки свѣтлѣло, и вокругъ площадныхъ валовъ уже маячили куда-нибудь, не имѣющія никакихъ намѣреній, человѣкообразныя существа въ капотахъ дикаго цвѣта.

Попадались маячившія и въ темномъ. Разныя были. Разныя, но схожія своей непритязательностью. Дѣлать совершенно нечего (и не хочется) даже въ бывалые дни. А въ небывалые, вѣдь, и быть-то какъ-то неловко.

Одно изъ маячившихъ сѣрыхъ существъ остановилось неподалеку отъ памятника, торчашаго середь снѣга. Остановилось такъ себѣ,—отчего-жъ не остановиться?

Смотрѣло кругловатыми глазами такъ себѣ,—отчего-жъ не смотрѣть?

Но застряло, глядя,—само не зная, чтѣ его удерживаетъ на мѣстѣ, чтѣ мѣшаетъ двинуться и вновь замаячить.

Оттого, что застряло—къ нему подошло другое, подобное, и тоже стало туда-же глядѣть. Безмолвіе хранили. И третье существо подошло, черненькое, помельче. Потомъ еще, длинное, темное, голошеѣе.

Стояли они заразно, потому что скоростоячихъ навилось до десятка, а тамъ и больше, и ужъ съ другой стороны начало навиваться. Припадающія на ноги бабы, хвосты выстоявшія,—и тѣхъ заражало. Мальчишки, распяливъ глаза, смотрѣли куда всѣ, не зная, на что.

Плыло, какъ туманъ во снѣ, какъ шорохъ въ темнотѣ,—какъ невидимая муха приставала—плыло и ворочалось безымянное безпокойство. Досадное.

Наконецъ, одинъ, новый, сказалъ, лѣнливо верти языкомъ:

— Чего?

Сосѣдъ откашлялся

и повторилъ съ недоумѣніемъ:

— Чего — чего?

— Да чего-то не того,—сказалъ первый.

— Чего не того?

— Не этого, значить...

Рядомъ стоящій гуднулъ:

— Правильно... Вполнѣ, будто, чего-то не этого...

Куча зашелестѣла, почти радостно: безпокойство стало первый ликъ свой намѣчать едва-едва. Въ чемъ оно. На что смотрѣли. Ужъ было почти понятно: безпокойло, какъ всегда, непривычное измѣнившееся; но здѣсь, сейчасъ — перемѣна не въ томъ, что невидѣнное появилось, а что видѣнное провалилось.

Чего-то не хватало.

И въ слѣдующее мгновеніе визгливый бабій голосъ окончательно прордаль пухлую завѣсу надъ безпокойствомъ:

— Нѣту-ти! Гляньте, царя-то нѣту-ти!

Кучу подняло, взмыло. Гуть, гуль и христь, и вздыбъ—и облегченіе.

— Какъ есть!

— Схряпали!

— Не иначе, какъ на моторѣ!

— Чистая работа! Ну и народъ!

— Пятаковъ-то, батюшки, пятаковъ-то изъ его сколько теперь надѣлаютъ!

— Водкакъ реквизиція! Это тебѣ не керенки, гумага грязная!

— И когда это они его, черти, срѣзали?

— Въ аккуратъ, срѣзали! Ишь, коня-то не осилили, конь-то вонъ онъ, за конемъ въ другу ночку прѣдутъ!

— По новѣйшимъ временамъ конь-то тяжелъ, ха-ха-ха! Фуражу нѣту!

Проталкивался одинъ черный, въ сѣрой папахѣ.

— Товарищи! Граждане! Дозвольте взглянуть! Какъ они срѣзали? А ноги-то? Ноги-то остались? Дозвольте обсмотрѣть! Слѣды работы должны быть. И на самомъ, и вообще, снѣгъ... Вѣдь ихъ не менѣе какъ человѣкъ восемь...

Чернаго пропустили поближе любопытно взгудѣвъ, спохватившись.

— Ноги-то, ноги-то? И слѣды обязательно... Ужъ отъ слѣду не укроешься... Работа сурьезная.

Ногъ, по изслѣдованію, не оказалось. Висѣла уздечка. Бахромилась мѣдная,—не то львиная, не то тигровая—шкура. Ногъ не было нигдѣ, ни малѣйшихъ.

— Да въ чемъ онъ обуть-то? Ежели сапоги,—очень просто, не оставятъ.

— Вродѣ въ туфляхъ! — крикнулъ какой-то школьникъ. — Безъ сапоговъ! Я знаю!

Дѣлалось странно. Какъ это успѣли въ одну ночь съ ногами оторвать? Да и слѣдовъ, по крайней мѣрѣ такихъ, какихъ искалъ черный, не замѣчалось. Были въ грязномъ снѣгу дыры проваленныя, но это, можетъ, такъ. Можетъ, упало что, или само вытаяло. На людей не похоже.

Грудились, топтались, въ снѣгъ лѣзли. Одинъ доброволецъ, сзаду, совсѣмъ вблизи, было, подтянулся.

— Куды? Тутъ разслѣдованье должно происходить, а ты куды? Товарищи, такое дѣло, царя слимонили, надо въ Смольный дать знать, комиссію чтобы совершенно немедленно...



— Ишь, обезпокоился, царя слимонили, такъ тебѣ царя жалко? Самого бы тебя въ комиссію за эдакое...

— Какая комиссія? Гдѣ комиссія?—заоралъ, проталкиваясь, хлипкій паге-



некъ съ синякомъ у глаза и съ винтовкой за плечомъ. Винтовки иглились за плечами и у другихъ, только что подбѣжавшихъ.

Передъ ними толпа шарахнулась, но сейчасъ же опять сомкнулась.



— Мы сами изъ комиссій.— оралъ между тѣмъ хлипкій и для убѣдительности взявъ винтовку на руку,— По какому случаю этотъ саботажъ? Этого не велѣно!

Завизжала баба:

— Штрѣлай, озоръ вырваная!

Отъ субатажниковъ слышимъ! Эку уйму добра посередь города сволокли, а онъ— субатажъ!

Тяжко вздыхая и скрипя, подползъ автомобиль. Остановился. Вылѣзли разномастные: кто въ пальто, кто въ куртѣ, кто въ шинели.

Ихъ тоже пропустили впередъ.

— Какъ это такъ—срѣзали?—сказалъ одинъ изъ курточниковъ.—Нигдѣ рѣзи не видать, инструмента, то-есть. Сидѣніе гладкое. Точно какъ и не бывало никого на этой лошади.

Ближайшіе услышали, ахнули. Показались гулы: Вотъ это ловкачи!—Сняли!—Да какъ онъ, не припаянъ, что-ль, былъ?—Ахъ вы, лѣшіе!

Кривая баба, что жадно стояла впереди, вдругъ выпростала мерзлую руку и перекрестилась. Зашептала что-то другой бабѣ, рядомъ. Та шатнулась отъ нея, дернула рукой, будто тоже хотѣла перекреститься, но только носомъ шмыгнула и засмѣялась.

— Сняли! За милую душу свели!—гудѣла толпа.—Свели!—Сведешь его!—Въ емъ, можетъ, тысяча пудовъ и безъ лошади-то!—Нѣтъ, это дѣло темное!

Автомобильщики наспѣхъ сѣли въ моторъ и наспѣхъ заковыляли по ухабамъ.

— За комиссарами поѣхали, дѣло темное, не иначе—въ Смольный!

Винтовочники, нѣкоторые, тоже спѣшно ушли, толпа осталась. Чего-то ждали.

— Слѣдственная комиссія должна прибыть,—горячился изысканный пальтошникъ.—А съ этой толпой... ногами все затоптали, что и было. Какое безобразіе!

Туполицый молодецъ въ кожаной курткѣ, что стремился поближе (да и вся толпа стремилась, узя кольцо, мня снѣгъ и проваливаясь), достигъ. Чуть не до самаго камня достигъ.

На него опять заорали.

— Да куды ты къ мордѣ къ самой слѣзешь? Чего? Осади, говорятъ!

— Онъ, гляди-ка, сзадѣ-то на камень норовить.

— Какой на камень! Не цапайся, эй! Еще того не плоше, на чужого коня, смотри, взгромоздится! Держи его! Вонъ комиссары ѣдутъ со слѣдствиемъ!

— И то ѣдутъ!

— Скоро обернулись!

По набережной опять тарахтѣлъ автомобиль. Достигшіи камня курточникъ и, дѣйствительно, цапавшіи за него съ неизвѣстными цѣлями, дрогнувъ, отступилъ, куда-то провалился.

Школьникъ на всю площадь звонко закричалъ:

— Чего, ожегся? Туда и лѣтомъ-то не влѣзтъ!

— Я знаю!

Самое удивительное, что никто ни разу не выстрѣлилъ. Очень ужъ любопытствовали, некогда заниматься.

— Какіе комиссары? Ёдутъ?

— Ёдутъ! А не изъ Зимняго-ли которые? Они болѣе насчетъ памятникъ, спеціальные. Смольныхъ предметы искусствъ не касаются.

— Предметы! Много ты знаешь! Если грабежъ, это касаются саботажа, что на Гороховой.

Споры смолкли, когда подтянулся моторъ и посыпались изъ него комиссары. Ихъ было что-то много. Всякихъ. И простыхъ, и съ винтовками. Всѣ-ли они комиссары—неизвѣстно, но на всякій случай толпа отодвинулась, съ опаской, и нишкнула. Иные, съ краевъ, поползли стороной прочь.

Были, очевидно, между комиссарами и касаемые къ предметамъ искусствъ. Эти сразу ввали въ столбнякъ, а потомъ пришли въ жалкое состояніе. Особенно два отличались, вызывая охи у сердобольныхъ бабъ.

— Ишь, болѣзненный, словно окатило его! Ё въ евоному дворцу, что-ль, приписанъ то былъ этотъ самый памятникъ? Али спросится съ его?

Комиссаръ путался въ длинной шубѣ, ежеминутно поправлялъ черепаховое ринсе-лез на черной, пречерной лентѣ,



снялъ, было, шапку высокимъ гречникомъ, обнаживъ лысину, опять надѣлъ, опять въ шубѣ запутался. Бормоталъ, какъ бы даже на иностранномъ діалектѣ, тонковатымъ голосомъ. Другой, вихлявый, молюю траченный, съ измятымъ ли-

цомъ, тоже надрывался; говорилъ, говорилъ, не останавливаясь и того не замѣчая.

— Это же не могло быть, это невозможно, это же невѣроятно!—стоналъ первый, а что говорилъ второй—не слушали.

Нахмурилась затихшая толпа. Незамѣтно опять наплывало, какъ туманъ, безглазое безпокойство. Новое. Незамѣтно переставало думать о кражѣ, о восьми ловкачахъ съ моторомъ. До мотора-то его, не иначе, волокомъ волочь, а тутъ вездѣ снѣжищу и слѣдовъ этакихъ нѣтъ. Дыры есть, а волоку—ни-ни! Опять и сидѣніе гладкое. Уздечка, словно кинутая, виситъ.

— Не свезти эдакого,—сказалъ кто-то задумчиво.—Гдѣ подступишься?

Шептались даже тѣ, съ винтовками, не разгоняя народъ, медля. Затихли и комиссары, замерли. Шушуканье шелестѣло, подымаясь и шурша тугими волнами, подымаясь и падая.

— Ш-ш-ш... Сташшили... Шутить... Сташшить его... Шагъ шагнувъ и крышишка... Ишши его... Ушелъ, не сташили... Самъ ушелъ, и пошелъ, и пошелъ... И пошелъ, и пошелъ...

Шепоты, какъ шерстяные шары, шебаршили, ширились, ширились... И ужъ кто-то явственно кричалъ:

— Самъ ушелъ! Ушелъ Ушелъ! Ушелъ!

Комиссары сорвались съ мѣстъ, кинулись въ зацокавшій моторъ. Но опять радостная, облегченная найденнымъ словомъ толпа и забыла ихъ. Самъ ушелъ!

Какъ это самъ ушелъ? Все равно. Его нѣту, украсть не могли, невозможно, значить—ушелъ. Теперь важнѣе догадаться, зачѣмъ это онъ ушелъ, куда это ушелъ?

— Найдется!—съ убѣжденіемъ говорилъ круглолицый человѣкъ въ шинели.—Далеко не уйтить по морозу безъ сапоговъ.

— И одежда не такая!—подхватилъ другой.—А только насчетъ одежды и сапоговъ—это что! Ночью пойдетъ, кому встрѣтится—скидавай! Ну, эдакому очень просто, отдашь.

— Онъ себя покажетъ! Надоѣло глядѣть то. Сидѣлъ—сидѣлъ, терпѣлъ—терпѣлъ...

— Онъ росту громаднаго!—захлебываясь отъ восторга, вопилъ школьникъ.—Онъ всякаго и безъ револьвера ограбить. И навѣрно онъ въ флотскій экипажъ пошелъ, онъ, вѣдь, матросовъ любилъ! Навѣрно туда!

— А комиссары-то затряслись! Кээкъ онъ ночью-то шастъ во дворцы-то, матросомъ-то... Товарищъ, товарищъ... Я вамъ товарищъ...

Наперерывъ грохотали, глупо, сами не зная, чему радуются, балдѣя.

Кривая баба клалась:

— А вотъ говорила я! Сразу же и говорю: какое! Слѣзъ ч съ—честью, темной ночью, и былъ таковъ. Самъ слѣзъ, оттого и знаковъ нѣту, переки-



нуль ножки, соскокнужь, да и пошелъ! И пошелъ.

Подпрыгивая, чтобъ быть выше, запытался какой-то черненькй господинчикъ въ разстегнутомъ пальто:

— Слушайте! Товарищи, Товарищи, говорю я! Да вы поймите! Да вѣдь это контръ-революція, суетвѣріе! Это простой грабежъ народнаго достоянія! Это будетъ преслѣдоваться...

— Вотъ онъ тебя попреслѣдуетъ...

— Товарищи! Черти! Да вѣдь современное сознание ку.....

Кто-то всунуль господинчику грязный палецъ въ ротъ, рогоча. Гудъ катался по толпѣ. Но вдругъ былъ проколотъ, словно иголкой, визгомъ дѣвчонки. Она подъ шумокъ тоже обѣжала сзади, поближе.

— Гляньте-ка! Дяденьки! Батюшки! Гляньте-ка подъ низомъ! Сейчас помереть—змѣя была! И змѣя уползла! На хвостѣ-то, гляньте!

Глянули: нѣту. Не всѣ помнили змѣю. Но всѣ повѣрили, что она была. И ея нѣту. Уползла.

Змѣя, собственно, дѣла не смѣняла—почему-жъ змѣѣ не уползти, разъ тотъ ушелъ? Но вотъ, со змѣѣй поползла на кучу людскую жуть, онѣмила языки,

захолодила виски. Уйти захотѣлось; и не то, что думалъ кто-нибудь: „вотъ, уйду“, а такъ, потащило врозь и прочь. Жуть ползала, вьась, невидная, какъ змѣя. Вѣдь и змѣи не было видно.

Не признавались, да и какъ? А вири-тайку, тишкомъ, одинъ за другимъ, никли, точно разлипаюсь куча.

Безсловно жило въ каждомъ: «Чего ужъ! И змѣя уползла!» Безсловно виноватились, — въ чемъ? Но уходили со сжатыми плечами, будто ожидая удара,—за что? Ничего не знали, ничего не думали. Такъ. Жуть.

Школьникъ, мальчишка, отойдя ужъ за уголь, немного опомнился и свистнулъ. На него серито оглянулась женщина, оттуда-же поспѣшавшая.

— Тетка, а онъ спуску не дастъ, коли что. Ужъ пошелъ по городу гулять, и со змѣѣй еще,—такъ онъ...

— Молчи ты, гаденышъ!—рванула тетка.—И безъ тебя тошно! Господи, Никола милостивый! Молебенъ бы отслужить. Ивакуироваться бы штоль, да ходу не дають, шкелеты!

Мальчишка бросилъ ее, подпрыгнувъ и побѣжалъ; скользилъ съ ухабовъ. Ему опять было весело, отъ жути еще весе-

лѣе. Встрѣтиться бы вечеромъ? Издали-бы увидать? Онъ не уйдетъ никуда отсюда. Самъ городъ состроилъ—да изъ него эвакуируется? А надоѣло молча глядѣть—вотъ и пошелъ. Осматривать свой городъ. Небось, онъ имъ покажетъ!

Кому покажетъ и что именно—школьникъ не зналъ, да и было не важно.

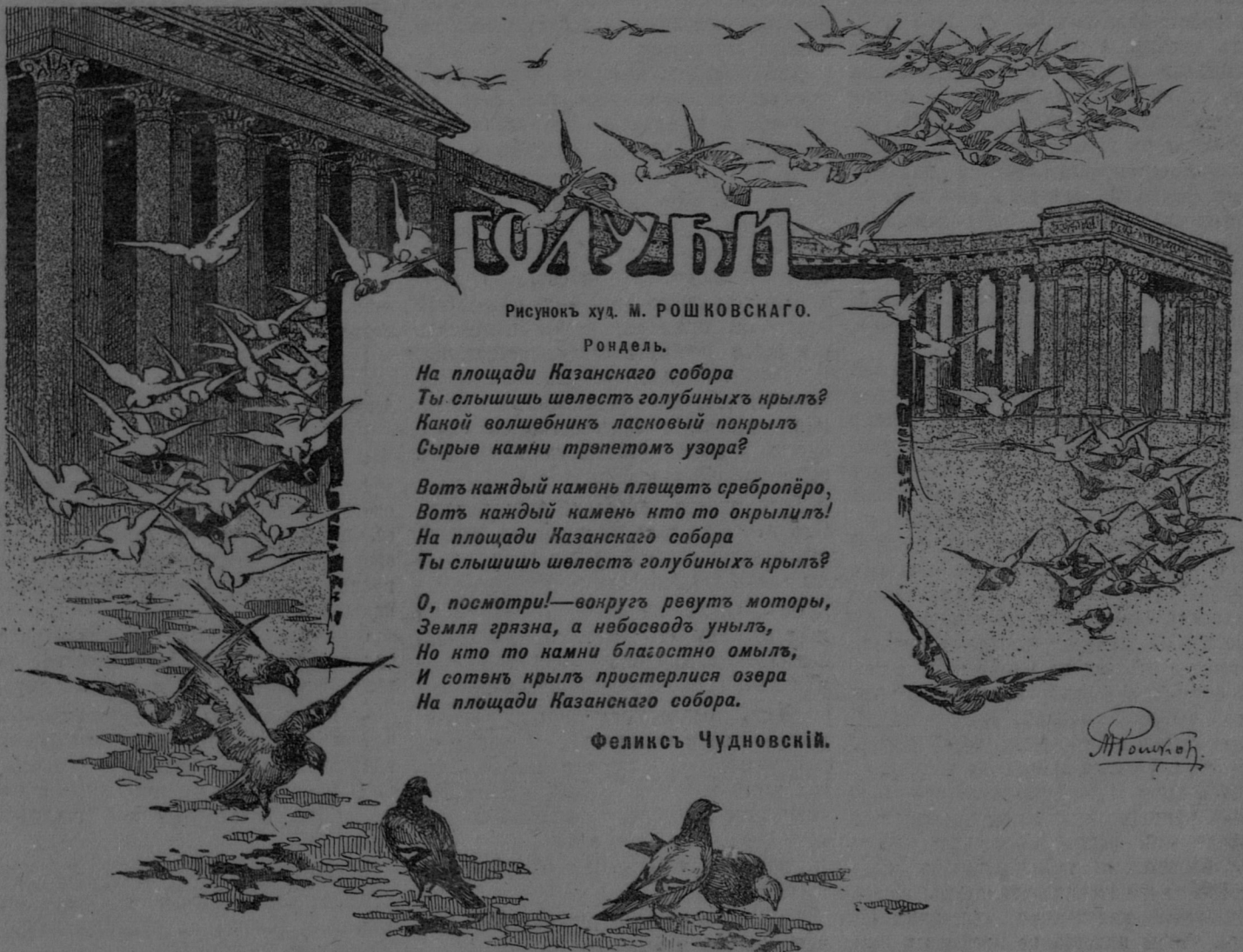
Было важно (для кого? для всѣхъ?), было важно, что тамъ, гдѣ въ пролетѣ площади съ каменнымъ равнодушіемъ смотритъ Исаакій, четко чертился чернымъ на бѣломъ небѣ вздыбившійся конь—безъ всадника. Пустой.

И змѣя уползла.



Мѣдная длань Петрова, когда-то распростертая надъ любимымъ городомъ,—гдѣ ты сжимаешься? На кого ты опустишься?

3. Гиппюсъ.



Рисунокъ худ. М. РОШКОВСКАГО.

Рондель.

На площади Казанскаго собора  
Ты слышишь шелестъ голубиныхъ крылъ?  
Какой волшебникъ ласковый покрылъ  
Сырые камни трепетомъ узора?

Вотъ каждый камень плещетъ сребропѣро,  
Вотъ каждый камень кто то окрылилъ!  
На площади Казанскаго собора  
Ты слышишь шелестъ голубиныхъ крылъ?

О, посмотри!—вокругъ ревутъ моторы,  
Земля грязна, а небосводъ унылъ,  
Но кто то камни благостно омылъ,  
И сотенъ крылъ пристерлися озера  
На площади Казанскаго собора.

Феликсъ Чудновскій.

М. Рошков.





Новелла  
ЕЛЕНЫ НЮЕЛУМЪ  
Съ шведскаго.

Въ Тиролѣ на обширномъ открытомъ плоскогорѣ стоялъ монастырь. Внизу струилась рѣка, широкая и могучая, съ дикими пѣнистыми волнами весной, тихая и привѣтливая лѣтомъ, съ красными отблесками при закатѣ солнца, и серебристо-бѣлая, когда съ неба свѣтилъ мѣсяцъ. А по краямъ плоскогорья окаймляли могучія горы, подымавшія свои одѣтыя снѣгомъ вершины, словно обнаженные мечи, къ самому небу.

Монахи въ этомъ монастырѣ славились своей праведностью и милосердіемъ. Попарно выходили они изъ монастырскихъ воротъ, чтобы навѣстить бѣдныхъ и страждущихъ и оказать имъ тѣлесную помощь и духовное утѣшеніе. Когда показывались двѣ маленькія черныя точки, направлявшіяся по равнинѣ, несчастные знали:

— Теперь приходитъ помощь.

Но болѣе всѣхъ прославился своей праведностью ихъ настоятель, патеръ Ансельмо. Онъ былъ родомъ изъ Нюрнберга, но уже съ молодыхъ лѣтъ сталъ пріоромъ монастыря. Всю свою жизнь онъ былъ примѣромъ самопожертвованія и для него не существовало никакихъ препятствій, когда дѣло шло о помощи ближнему. Да, онъ умышленно выбиралъ бурные осенніе дни и холодные зимніе вечера, чтобы съ босыми ногами пуститься въ долгое путешествіе къ больнымъ и умирающимъ, которые жили высоко въ горахъ. Три дня въ недѣлю питался онъ одной водой и черствымъ хлѣбомъ и лишь разъ въ году, въ святой день Рождества Христова, вкушалъ немного мяса. Каждую ночь проводилъ онъ одинъ нѣсколько часовъ въ церкви и тайно носилъ подъ своимъ монашескимъ плащомъ поясъ, унизанный маленькими гвоздями для того, чтобы никогда не пребывать безъ

## ОТЕЦЪ АНСЕЛМО

страданія. Къ тому же, живя своими мыслями исключительно въ небесахъ, онъ презиралъ все прекрасное и доброе, что могла дать земля.

Монастырская церковь за сотни лѣтъ приняла много драгоценныхъ даровъ и была богато украшена начищенными крестами, рѣзными алтарями и многочисленными прекрасными фигурами ангеловъ и святыхъ. Туда приносили также толстыя восковыя свѣчи и корзины, наполненныя цвѣтами, и Ансельмо не могъ отказаться принять ихъ, хотя и желалъ бы очистить церковь отъ всѣхъ украшеній. Не любилъ онъ и музыку, такъ какъ она улавливала человѣческія мысли на ихъ пути съ небу. И Ансельмо сидѣлъ въ церкви съ опущеннымъ взоромъ и наморщеннымъ лбомъ, силясь сосредоточиться въ молитвѣ, въ то время какъ звуки, слетающія съ клубами ладана, плясали хороводъ подъ сводами потолка.

Однажды Ансельмо получилъ письмо изъ Италіи. Оно было написано его другомъ, настоятелемъ одного монастыря между Римомъ и Неаполемъ, котораго онъ уже не встрѣчалъ много лѣтъ. Патеръ Антоніо писалъ не для того, чтобы напомнить о себѣ, а чтобы поговорить о человѣкѣ, чья будущность занимала его сердце.

Дѣло касалось молодого италіанскаго монаха, находившагося уже годъ въ монастырѣ у Антоніо. Его звали фра Бенедетто и родомъ онъ былъ изъ Умбріи.

«За годъ его пребыванія въ моемъ монастырѣ», писалъ пріоръ, «я много удѣлялъ ему вниманія и обнаружилъ въ немъ замѣчательныя способности. Я хотѣлъ бы лишь дать ему нѣкоторый блестящій примѣръ, чтобы направить его далѣе по пути совершенствованія. Поэтому я посылаю его къ тебѣ. Я не знаю никого, кто предъявлялъ бы большія требованія благочестія къ своей братіи, и знаю, что ты самъ являешь собой лучшей изъ примѣровъ».

Тутъ пріоръ Ансельмо остановился. Онъ почувствовалъ волненіе въ сердцѣ отъ этой блестящей похвалы и въ то же время сознаніе своего тщеславія.

Онъ упалъ на колѣни, моля Бога простить ему его честолюбіе, и долго лежалъ недвижно распростершись, прежде чѣмъ возобновить чтеніе письма.

«Какъ только представится возможность», стояло въ письмѣ, «я пошлю къ тебѣ брата Бенедетто и я надѣюсь, что изъ этого молодого побѣга ты вырастишь древо, которое со временемъ широко раскинетъ свои вѣтви и станетъ украшеніемъ и гордостью нашей святой церкви».

Письмо кончалось привѣтствіями и пожеланіями и было подписано:

«Антоніо, твой другъ и братъ во Христѣ».

Ансельмо задумался.—«Что жъ! пусть пріѣзжаетъ молодой братъ. Да поможетъ мнѣ Господь въ его воспитаніи».

\* \* \*

Настала весна. Рѣка вздулась и бурно мчала по долинѣ свои волны. Воздухъ становился нѣжнѣе, земля покрывалась цвѣтами. Однажды позднимъ вечеромъ стоялъ Ансельмо на монастырской террасѣ и читалъ псалмы. Высоко въ небѣ плылъ бѣлый мѣсяцъ. Кончивъ псалмы, Ансельмо взглянулъ на равнину и вдругъ замѣтилъ двигавшуюся по направленію къ монастырю черную точку. Это былъ человѣкъ, быстрыми шагами направлявшійся къ монастырскимъ вратамъ. Вотъ онъ уже у воротъ и дергаетъ за шнурокъ. Звонко зазвенѣлъ колокольчикъ. Ансельмо самъ пошелъ открыть ворота. Передъ нимъ стоялъ молодой монахъ.

— Я Бенедетто изъ Сирано,—сказалъ онъ по италіански.—Отецъ мой пріоръ Антоніо послалъ меня сюда, чтобы найти пріора Ансельмо и просить его принять меня въ свою паству.

— Пріоръ Ансельмо, это я,—сказалъ Ансельмо и направилъ на молодого инокъ свой маленькій потайной фонарь. Едва онъ произнесъ это, какъ пришелецъ упалъ на колѣни и, скрестивъ на груди руки и преклонивъ голову, попросилъ его благословенія. Когда онъ вновь поднялся, Ансельмо освѣтилъ фонаремъ его лицо и долго его разсматривалъ.

Это былъ молодой человѣкъ, едва достигшій двадцати лѣтъ, средняго роста и красиваго сложенія. На темномъ лицѣ блестѣли черные, какъ уголь, глаза. Правильныя черты лица были нѣсколько строги и рѣзки, но когда онъ улыбался, какъ сейчасъ, стоя передъ Ансельмо, на нихъ появлялся отпечатокъ глубокой радости.

— Привѣтствую тебя! — сказалъ Ансельмо и протянулъ ему руку.—Но знай, что я многого съ тебя потребую и подвергну тебя тяжелымъ испытаніямъ.

Бенедетто склонилъ голову.

— Такъ слѣдуй за мной,—сказалъ Ансельмо и повелъ его въ обитель.

\* \* \*

Бенедетто скоро свыкъся съ монастырской жизнью. Пріоръ Ансельмо видѣлъ, съ какимъ усердіемъ онъ выполнялъ свои обязанности, и рѣшилъ, что пришло время подвергнуть его болѣе тяжелымъ испытаніямъ.

Однажды въ апрѣлѣ разыгралась сильная непогода. Пріоръ Ансельмо призвалъ фра Бенедетто и сказалъ ему:

— Видишь ли ты тамъ далеко въ горахъ что-то бѣлѣетъ. Это—маленькая деревня, населенная очень бѣдными людьми. Я хочу помочь имъ въ ихъ нуждѣ и хочу, чтобы ты снесъ имъ мой сильный даръ.

Бенедетто молча поклонился въ отвѣтъ.

Ансельмо взвалилъ ему на спину тяжелый мѣшокъ съ мукой, а на грудь мѣшокъ съ зерномъ.



# Пасха въ былые дни.

Въ изображеніи извѣстныхъ художниковъ.

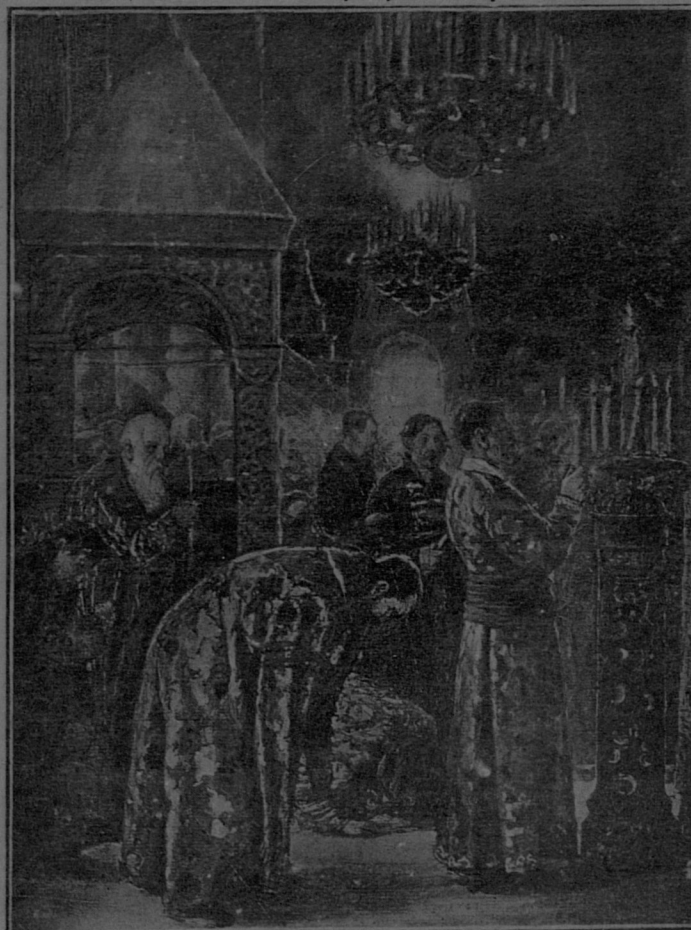


Шествіе на осли въ Кремль.

Современный рисунокъ извѣстнаго Олеарія изображаетъ давно уже уничтоженную религіозную процессію, напоминавшую входъ Господень въ Іерусалимъ. Царь подъ узды ведетъ коня, на которомъ возсѣдаетъ патріархъ. Въ рукахъ бояръ пальмовыя вѣтви. Гравюра эта воспроизведена нами изъ рѣдчайшаго изданія, хранящагося въ Публичной Библіотекѣ.



Худ. Р. А. Заборовскій „Утро Свѣтлаго Праздника на Украинѣ“.



Худ. П. Н. Михайловъ. «Въ церкви въ Пасхальные дни»  
(„Весенняя выставка картинъ 1918 г.).



— Вотъ здѣсь шесть хлѣбовъ,—сказалъ Ансельмо, протягивая ему свертокъ,—а можетъ быть ты сможешь также снести корзинку, въ которой есть шесть бутылокъ вина. Ты будешь желаннымъ гостемъ у двухъ больныхъ стариковъ, чьи имена ты найдешь въ корзинѣ.

Когда ноша была приложена, Ансельмо сказалъ:

— Теперь ты навьюченъ, какъ осель!

— Я и въ самомъ дѣлѣ осель,—отвѣчалъ, смѣясь, Бенедетто.

Ансельмо съ братіей отырыли ворота и смотрѣли, какъ удалялся Бенедетто и, наконецъ, исчезъ въ потокахъ ливня.

Солнце уже давно закатилось, когда онъ вернулся, весь промокшій.

— Я думаю, трудно было нести такую тяжесть? — сказалъ Ансельмо, наблюдая, какъ Бенедетто располагался сушиться у огня.

— Я бы охотно снесъ вдвое больше,—отвѣчалъ Бенедетто,—такъ желанны были твои подарки. Благословенія бѣдняковъ излились на тебя большими потоками, чѣмъ на меня потоки дождя.

— Но что у тебя съ рукой?—спросилъ Ансельмо, замѣтивъ, что Бенедетто съ трудомъ двигаетъ правой рукой.

— Я упалъ по дорогѣ,—отвѣчалъ Бенедетто,—и, можетъ быть, сломалъ руку. Она болитъ при движеніи.

Ансельмо призвалъ одного изъ братьевъ. Тотъ изслѣдовалъ руку и нашелъ, что перелома нѣтъ, но рука сильно ушиблена, и сдѣлалъ перевязку.

На слѣдующее утро дождь пересталъ, и земля была мягкая и рыхлая.

— Сегодня хорошій день для посадки капусты,—сказалъ Ансельмо, обращаясь къ Бенедетто.—Ты можешь пойти засадить всю площадь позади монастыря.

Бенедетто сейчасъ же отправился съ большой корзиной разсады. Его рука болѣла при каждомъ движеніи, и онъ съ трудомъ выкапывалъ въ землѣ маленькія ямки. По къ закату солнца вся

площадь была покрыта симметричными грядами капусты.

Когда Бенедетто вошелъ къ ужину, Ансельмо спросилъ:

— Какъ твоя больная рука? Мѣшала ли она тебѣ работать?

Бенедетто поднялъ руку, и—чудо!—она была здорова. Ансельмо промолчалъ, но онъ понялъ, что непрекословное послушаніе Бенедетто ее исцѣлило.

Однажды вечеромъ Ансельмо сказалъ Бенедетто:

— Постучи ко мнѣ въ дверь въ часъ ночи, мы пойдемъ въ церковь.

Ровно въ часъ Бенедетто постучалъ въ дверь.

— Какъ ты смогъ проснуться во время?—спросилъ Ансельмо.

— Я не спалъ,—отвѣчалъ Бенедетто.

— Я понимаю,—возразилъ Ансельмо,—ты боялся проспать?

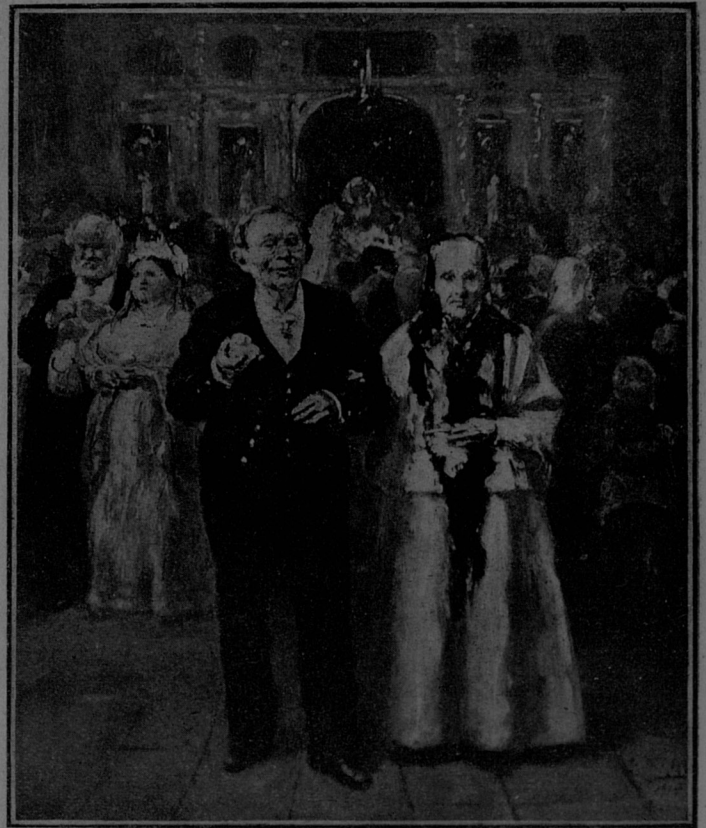
— Нѣтъ, по другой причинѣ,—тихо отвѣчалъ Бенедетто.

— По какой же? — спросилъ Ансельмо.

Помолчавъ секунду, Бенедетто отвѣчалъ:

— Я только-что прочелъ одно мѣсто изъ святаго Евангелія, которое мнѣ показалось такимъ прекраснымъ, что я не могъ не остановиться на немъ.

— А именно?—спросилъ Ансельмо. Вновь промолчавъ мгновеніе Бенедетто, но потомъ произнесъ медленно, съ разстановкой:



Проф. В. Е. Маковский.—«Отъ заутрени».

— Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ.

Оба нѣкоторое время стояли молча, потомъ Ансельмо сказалъ:

— Идемъ теперь въ церковь.

Въ церкви царилъ мракъ. Лишь надъ алтаремъ вспыхивало пламя неугасимой лампы. Ансельмо палъ ницъ на каменный полъ съ распростертыми на крестъ руками и оставался недвижимо въ то время, какъ Бенедетто преклонилъ колѣни нѣсколько поодаль. Больше часа лежалъ передъ алтаремъ пріоръ, потомъ поднялся и подошелъ къ Бенедетто. Прикоснувшись къ его плечу, онъ прошепталъ:

— Ты можешь оставаться здѣсь, пока не зазвонятъ къ заутренѣ, и продолжать обдумывать тѣ слова, что ты прочелъ вчера вечеромъ.

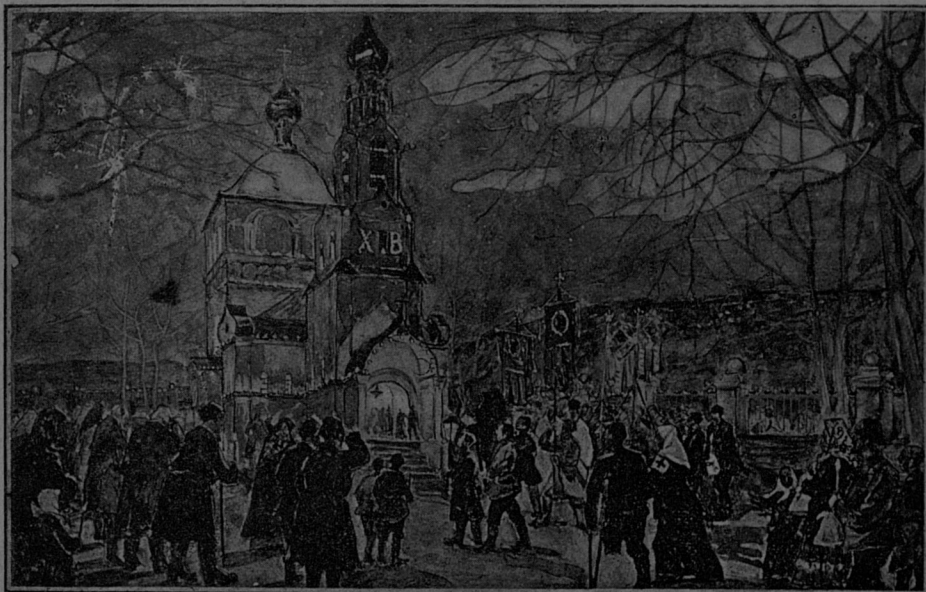
Когда на восходѣ солнца послышался благовѣстъ, Бенедетто всталъ и направился къ выходу.

Небо еще окутывали лилово-синія сумерки, но на востокѣ уже свѣтлѣло. Вдругъ весь горизонтъ озарился розовымъ сіяніемъ, маленькія облачка окрасились въ пурпуръ, заблестѣлъ снѣгъ на вершинахъ горъ, и потоки золотистыхъ лучей полились по зеленой равнинѣ. Солнце поднималось надъ горизонтомъ. Бенедетто поднялъ руки къ небу и воскликнулъ:

— Ты повелѣваешь солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми!

\* \* \*

Насталъ май мѣсяцъ. Бенедетто было поручено украшать алтарь Пресвятой



Худ. А. В. Исуповъ.—«Пасхальная ночь».





«...Бенедетто стоялъ молча съ руками полными розъ...»

Дѣвы, и это доставляло ему большую радость.

Какъ-то утромъ Ансельмо зашелъ въ церковь въ тотъ самый моментъ, когда Бенедетто былъ занятъ украшеніемъ алтаря Богоматери. Онъ суетился въ проходѣ между алтаремъ и большими корзинами, наполненными цвѣтами. Лицо его сіяло отъ счастья. Ансельмо долго смотрѣлъ на него, потомъ сказалъ:

— Ты любишь возиться съ этими цвѣтами?

— Да, отецъ!—отвѣчалъ Бенедетто,— ты поручилъ мнѣ поистинѣ прекрасную работу. Я бы хотѣлъ только исполнить все такъ красиво, какъ я себѣ это мыслю. Сегодня я хочу украсить престолъ Святой Дѣвы одними бѣлыми цвѣтами. Вотъ почему я обвилъ Ея голову гирляндами изъ маленькихъ бѣлыхъ розъ. У Ея ногъ я насажу густо бѣлыя лиліи, которыя будутъ свидѣтельствовать о Ея небесной невинности. Но въ чашу лилій я посажу большой букетъ изъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Это будетъ символомъ всѣхъ насъ, любящихъ Ее, но имѣющихъ каждый свою собственную окраску, не могущую сравниться съ Ея блистающей бѣлизной. Не думаетъ ли отецъ мой, что это будетъ прекрасно?

Съ минуту Ансельмо молчалъ, потомъ произнесъ строго.

— Сынъ мой! Ты слишкомъ отдаешься мыслями этимъ земнымъ, переходящимъ вещамъ. Она, чей алтарь ты украшаешь, не нуждается въ цвѣтахъ.

вступленія въ монастырь Бенедетто пѣлъ въ хорѣ. У него былъ чудный голосъ. Регентъ не могъ нахвалиться имъ и поручалъ ему самыя трудныя партіи.

Однажды Ансельмо встрѣтился въ саду съ Бенедетто. Последний шелъ съ нотами въ рукахъ.

— Ты идешь на спѣвку?—спросилъ Ансельмо.

— Да, отецъ мой,—отвѣчалъ Бенедетто.

— Ты очень любишь пѣть—сказалъ пріоръ.

— Это лучшее, что я знаю,—отвѣчалъ Бенедетто и глаза его засверкали. — Слова такъ сухи, а когда поешь, душа словно возносится къ небу.

— Я боюсь, что ты слишкомъ полюбилъ пѣніе,—строго сказалъ Ансельмо. — Ты стоишь на опасномъ пути, сынъ мой, и, желая тебѣ

Ей нужны больше наши сердца. Что же касается уподобленія насъ цвѣтамъ, то я укажу тебѣ болѣе правдивый символъ. Позади кухни стоитъ убитый зимней бурей кустъ шиповника. Онъ не покроется больше ни цвѣтами, ни листьями. Нарѣжь его сухихъ черныхъ вѣтвей и принеси ихъ на алтарь. Они будутъ лучшимъ выраженіемъ нашей грѣховности и нищеты и будутъ взывать къ небу объ избавленіи нашихъ, привязанныхъ къ землѣ помысловъ.

Бенедетто стоялъ молча съ руками, полными розъ.

— Что мнѣ дѣлать со всѣми цвѣтами?—спросилъ онъ печально.

— Брось ихъ въ рѣку,—отвѣчалъ Ансельмо.

\* \* \*

Съ перваго дня вступленія въ монастырь Бенедетто

добра, я приказываю тебѣ бросить музыку.

Бенедетто поблѣднѣлъ. Онъ судорожно скомкалъ свой нотный листъ, но глубоко поклонился и пошелъ обратно въ свою келью.

Настало лѣто съ палящимъ солнцемъ, дождями и грозами.

Монахи совершали свои странствованія, помогая бѣднымъ, или собирались къ обѣднѣ и вечернѣ.

Фра Бенедетто за полгода пребыванія въ монастырѣ сильно измѣнился. Онъ похудѣлъ и выглядѣлъ старше своихъ лѣтъ. Его большіе черные глаза сдѣлались еще шире и приняли озабоченный видъ, и улыбался онъ рѣже.

— Что это съ братомъ Бенедетто?—говорилъ одинъ старый итальянскій монахъ.—Когда онъ пришелъ сюда, у него была такая лучезарная улыбка. Это напоминало мнѣ солнце Италіи. А теперь солнышко словно закатилось.

Но Ансельмо былъ доволенъ молодымъ братомъ. Онъ исполнялъ всегда съ такимъ рвеніемъ самую трудную поручаемую ему работу.

Приближалась зима. Суровый вѣтеръ задувалъ по равнинѣ, а трава по утрамъ покрывалась инеемъ. Ночью стоялъ леденящій холдъ и кристально-ясное небо сверкало мириадами звѣздъ.

Какъ-то около часу ночи Ансельмо отправился въ церковь. Камни словно



«...Луна озарила его улыбающійся, словно ансельскій ликъ, обращенный къ звѣздамъ...»



## Пасха въ былые дни.



Акад. С. Ю. Жуковский.—„Пасхальный столъ въ старинной усадьбѣ“.

огонь горѣли подъ его босыми ногами, когда онъ проходилъ мимо террасы. Вдругъ онъ замѣтилъ, что наверху кто-то стоитъ и смотритъ на звѣзды. Медленно онъ поднялся по лѣстницѣ и узналъ фра Бенедетто. Онъ выглядѣлъ совершенно чернымъ въ своемъ монашескомъ плащѣ, стоя недвижно, какъ изваяніе, со скрещенными на груди руками. Луна озаряла его улыбающійся словно ангельскій ликъ, обращенный къ звѣздамъ.

Нѣкоторое время Ансельмо не шевелился, потомъ подошелъ и тихо спросилъ: — Бенедетто, почему ты стоишь здѣсь и смотришь на звѣзды?

Бенедетто вздрогнулъ при звукѣ его голоса и отвѣчалъ радостно:

— Отецъ мой, я смотрю на небесный сводъ и изумляюсь. Въ этомъ пространствѣ... миллионы міровъ, и мы ихъ не знаемъ. Смотри, все небо усыяно звѣздами гуще, чѣмъ сѣменами, которыя сѣятель бросаетъ на землю. Развѣ это не великое и удивительное таинство!

— Ты все тотъ же — сказалъ Ансельмо опечаленнымъ голосомъ. — Матерія тебя всегда больше занимаетъ, чѣмъ духъ. Что намъ всѣ эти отдаленныя звѣзды и планеты? Въ этой быстротечной жизни у насъ должна быть лишь одна забота: совершенствовать нашу душу, чтобы не дать ей погибнуть. Ты долженъ углубиться въ себя и стараться оградить себя отъ всего внѣшняго, что хочетъ ринуться на тебя, какъ дикія морскія волны, и тамъ во мракѣ, въ тиши, въ полномъ душевномъ одиночествѣ обрѣтешь ты Господа.

Бенедетто не отвѣчалъ. Онъ стоялъ со сложенными руками и недвижнымъ взоромъ и слушалъ.

— Иди же въ свою келью, — сказалъ пріоръ, — преклони колѣна и читай

псалмы, а я пойду въ церковь и буду молить Бога о спасеніи твоей души.

Ансельмо спустился съ лѣстницы и исчезъ въ корридорѣ, а Бенедетто вернулся въ келью и, опустившись на колѣни, сталъ читать псалмы:

«Господи! Не въ ярости Твоей обличай меня и не во гнѣвѣ Твоемъ наказывай меня».

А Ансельмо долго лежалъ, распростершись на каменномъ полу церкви, погруженный въ молитву. Вдругъ ему послышались странные звуки. Словно кто-то пѣлъ. Это были дѣтскіе голоса. Нѣтъ сомнѣнія, что кто-то поетъ. Такъ удивительно ясно и звонко, словно сверху, спускались и кружились звуки надъ его головой. Онъ вскопчилъ и окинулъ взглядомъ церковь. Луна ярко свѣтила, и онъ увидѣлъ, что это пѣли тѣ маленькія дѣтскія го-

ловки, что надъ кафедрой съ раскрытыми ртами. Онъ ясно слышалъ слова:

— Тебя Бога хвалимъ,

— Тебя Господа исповѣдуемъ...

И вдругъ заиграли инструменты. Онъ обернулся и увидѣлъ, какъ ангелы надъ входомъ водили смычками по своимъ скрипкамъ и віолончелямъ, дули въ трубы и били въ цимбалы, въ то время какъ пѣніе все усиливалось, пока, наконецъ, все въ церкви не заплѣло: статуетки святыхъ на маленькихъ алтаряхъ, всѣ сверкающіе въ окнахъ образы, фигуры монаховъ на полуистертыхъ надгробныхъ плитахъ, даже звѣрныя головы на высокихъ колоннахъ. Всѣ пѣли сильными, глубокими голосами, сливавшимися въ море тоновъ, смыкавшееся надъ его головой.

— Хвалите Господа съ небесъ,

— Хвалите Его въ вышнихъ,

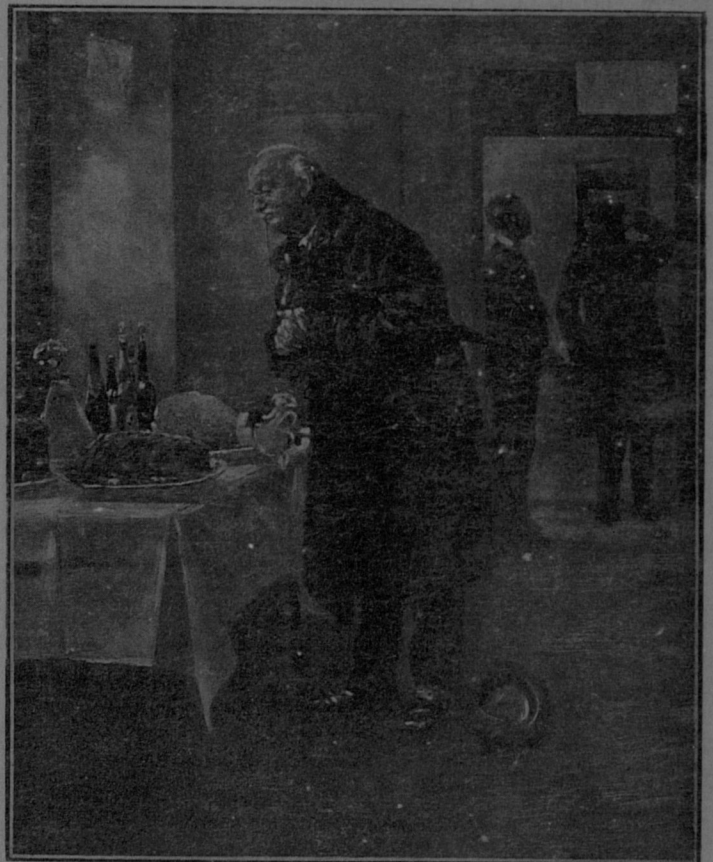
— Хвалите Его всѣ Ангелы Его,

— Хвалите Его всѣ воинства Его.

Что это! Онъ вздрогнулъ какъ бы отъ сильнаго толчка. Это заигралъ органъ, и пѣніе становилось все болѣе мощнымъ.

— Святъ, святъ, святъ Господъ Богъ Саваоѣ — раздавалось со всѣхъ сторонъ.

И вдругъ ему показалось, что съ полу къ его ногамъ, точно потоки лавы, поднимались звуки. Въ глазахъ у него замелькало, онъ наклонился надъ этимъ



Проф. В. Е. Маковский.—„Поздравитель“.



## Пасха въ былые дни.

страшнымъ моремъ красоты, въ которомъ боялся захлебнуться, и упалъ безъ чувствъ.

Когда онъ пришелъ въ себя, въ церкви было темно и тихо. Онъ поднялся и, спотыкаясь, вышелъ. Была еще ночь. Мѣсяцъ опустился къ самому горизонту и вырисовывался словно огненный великанъ на черномъ небѣ.

Фра Бенедетто все еще стоялъ на колѣняхъ въ своей кельѣ и читалъ псалмы. Онъ мерзъ въ холодномъ ночномъ воздухѣ, и сердце его тоже было странно холодное.

Вдругъ кто то постучалъ въ его дверь. Онъ открылъ и увидѣлъ блѣднаго пріора Ансельмо. Голосъ его дрожалъ, когда онъ сказалъ, обращаясь къ Бенедетто:

— Я знаю, что сегодня не воскресный и не праздничный день, но я хотѣлъ бы, чтобы братія спѣла «Тебя

Бога Хвалимъ» за ранней обѣдней. И ты тоже!—добавилъ онъ, прикоснувшись къ рукѣ Бенедетто.—Ты будешь пѣть съ

детто. Опять въ его глазахъ свѣтитъ солнце Италіи.

ними! Я хочу слышать твой голосъ, возносящійся къ небесамъ.

Когда первые лучи солнца проникли въ церковь, пѣвцы и музыканты направились на хоры. Внизу, преклонивши колѣна, стояла вся остальная братія и впереди всѣхъ пріоръ Ансельмо.

Когда обѣдня кончилась, регентъ ударилъ по пюпитру, и хоръ запѣлъ «Тебя Бога Хвалимъ».

Но когда Ансельмо услышалъ голосъ фра Бенедетто, радостно возглашавшій: «Хвалите Его всѣ Ангелы Его», онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

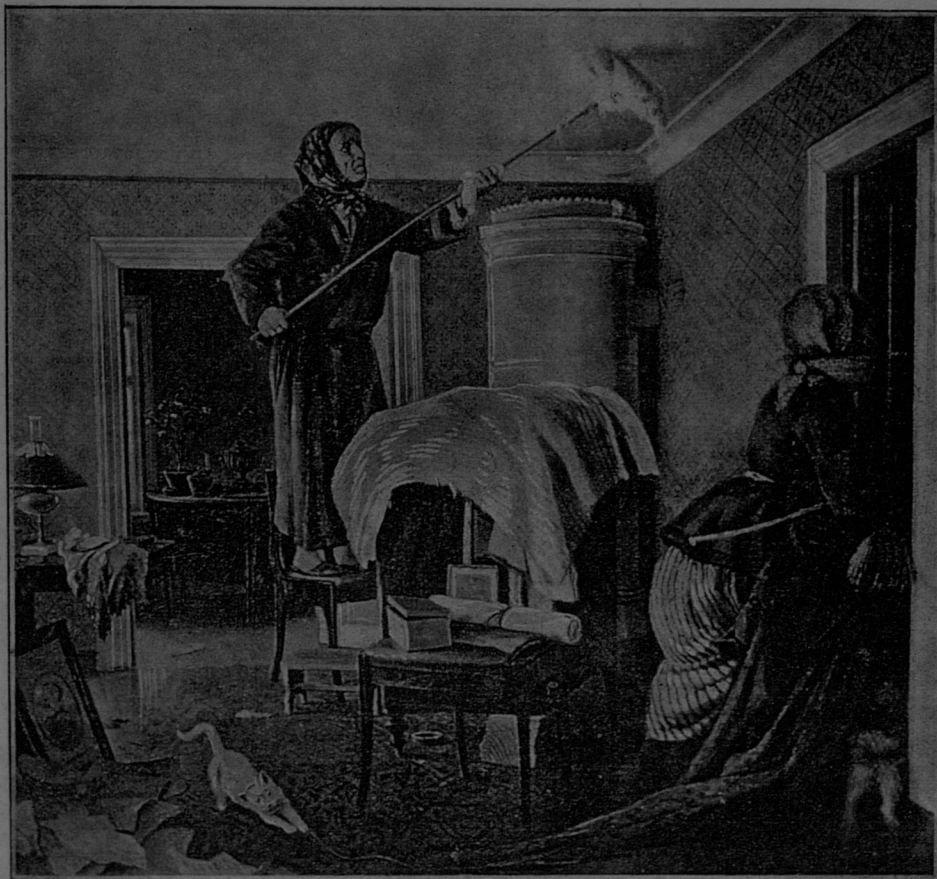
\* \* \*

Когда весна снова пришла на равнину, старый патеръ Джіакомо сказалъ однажды братіи:

— Теперь я снова узнаю фра Бенедетто. Опять въ его глазахъ свѣтитъ

Перев. Д. Ульрихъ.

Академикъ Вобровъ. — «Передъ Святымъ Праздникомъ».



\* \* \*

\* \* \*

\* \* \*

Всего лишь за шесть дней до казни  
безсердечной  
Сорен, какъ царя, Иисуса просла-  
вляли—  
Слеталъ веселый крикъ изъ устъ  
толпы безпечной  
И подъ его осла одежды постилали.

Срывая въѣмъ пальтъ, съ Нимъ  
юноши въжали,  
„Осанна и Спаси“ восторженно  
крича...  
Онъ не былъ радостенъ, уста Его  
молчали,

Онъ зналъ измѣнчивость народа-  
палаца.

Онъ зналъ, что этотъ крикъ,  
повсюду разносимый,  
Вампиритъ страшное „Распи,  
распи Его!“

И тихо Онъ въ слезахъ тоски  
невыразитой  
Молился за судьбу народа Своего...

Сегодня первые цвѣты  
Поставилъ я въ стаканъ съ водою,  
Ихъ изумрудные листья  
дышали жизнью молодую.

Въ нихъ—первый яркій лучъ весны,  
Въ нихъ—первый трепетъ огненной  
ночи,

Ихъ лепестки росой полны,  
Какъ прослезившіяся очи.

И въ этихъ низкихъ лепесткахъ  
Такой восторгъ и упоенье,  
Какъ у ребенка на устахъ  
При первомъ сладкомъ проку-  
жденны.



Неско въ зернахъ талахита,  
Даль лазурна и асна.  
Все печальное забыто—  
Это ты, Весна!

Подъ горячими лучами  
Снѣговая пелена  
Плачетъ мутными ручьями—  
Это ты, Весна!

Разгулялась на просторъ,  
Словно пьяная, волна  
И въжигитъ далеко въ море...  
Это ты, Весна!

Вновь горитъ огнемъ желаній  
Милыхъ глазокъ глубина,  
Въ часъ олуенныхъ свиданій—  
Это ты, Весна!

Федоръ Трошиковъ.





Исторія, написанная по рассказу одного негра

Аркадіемъ БУХОВЫМЪ.

Иллюстраціи для «Огонька» Б. И. АНТОНОВСКАГО.

Вы знаете, когда Бобъ Фичъ хочет заработать деньги, онъ дѣлаетъ это такъ же умѣло, какъ слонъ, который хочет поймать маленькую пеструю бабочку.



Ихъ было, кромѣ Боба, еще четверо, два молодыхъ негодяя Синки, до того похожихъ одинъ на другого, что когда били одного, другой забѣгалъ за уголь, чтобы по ошибкѣ не принялись и за него. Негры вообще похожи другъ на друга, когда же они братья, то даже мать путается и прокликаетъ всѣхъ сразу. Достойными товарищами Бобу и двумъ Синки были и Гризъ, старый камердинеръ какого-то потрепаннаго лорда, и Эманнуилъ Брей, человекъ безъ поздри, безъ одного пальца и съ большимъ, всегда пустымъ желудкомъ.

Какъ они встрѣтились? Развѣ нужно долго объяснять какъ встрѣчаются и сходятся негры, изъ которыхъ у одного есть нѣсколько долларовъ, которые онъ все равно никому не отдастъ, а остальные сразу начинаютъ уважать его за это и тутъ же клянутся не забывать его до гроба. Негританскій гробъ дѣло вѣрное и скорое, и такая клятва никого не пугаетъ.

Дѣло было такъ.

Въ маленькомъ клубѣ на улицѣ Трехъ Красныхъ въ Ойрамѣ, томъ самомъ городѣ, на который плюнули сразу одиннадцать штатовъ и предоставили его прогорѣвшимъ чужестранцамъ и подержаннымъ лѣди изъ континента, шла игра, въ которой изъ упомянутыхъ мной пяти негодяевъ четверо принимали самое непосредственное участіе. Каждый изъ нихъ зарабатывалъ деньги, какъ могъ.

Старый Гризъ вертѣлся около буфета и за небольшое вознагражденіе отъ молодыхъ выигравшихъ джентельменовъ откусывалъ стекло отъ бокаловъ съ виски, глоталъ большія пробки и ука-

чивалъ на рукахъ фаршированную сахарнымъ тростникомъ рыбу.

Собственно, это никого особенно не развлекало, особенно буфетчика, который боялся за рыбу, но Гризъ получалъ за это деньги и былъ доволенъ. Негры тоже умѣютъ быть довольными, когда у нихъ нѣтъ денегъ, а сейчасъ онѣ будутъ.

Эманнуилъ Брей игралъ съ клубнымъ швейцаромъ въ особую, наскоро придуманную имъ игру, изъ вѣжливости не доказывая своего авторства. Отъ проигравшагося швейцара, большого рыжаго дурака, требовалось въ видѣ уплаты только отойти ненадолго отъ верхняго, охраняемаго имъ плаща джентельменовъ, и Брей быстро и охотно компенсировалъ свой проигрышъ за счетъ этихъ чужихъ,

но приятныхъ ему вещей. Въ этотъ вечеръ швейцаръ по условіямъ игры уже четыре раза уходилъ въ свою комнату, и Брей имѣлъ основаніе считать время, не пропавшимъ даромъ.

Что касается обоихъ Синки, то какъ воспитанные молодые люди, привыкшіе къ клубнымъ обычаямъ, они оба сидѣли за карточнымъ столомъ, безъ одного пенса въ карманѣ, помогали банкомету считать деньги, смѣялись вслухъ, когда кто нибудь проигрывалъ, наступали ногами на упавшія на полъ деньги и курили папиросы, словомъ вели себя такъ, что младшаго Синки уже четыре раза кормили ужиномъ у буфетной стойки, а старшаго обѣщались выкинуть изъ клуба.

Именно въ тотъ моментъ, когда Синки старшій убѣждалъ игроковъ, что выкидывать человека изъ клуба только за то, что у него на под-

меткѣ нѣтъ глазъ и онъ не видѣлъ, что уже полчаса какъ прикрываетъ ей чужую бумажку, не стоитъ, въ этотъ, говорю я, моментъ въ залѣ появился Бобъ Фичъ.

Бобъ былъ въ это время красивый парень. Если бы онъ былъ бѣлый, онъ напоминалъ бы молодого француза, котораго любить старыя лѣди и даютъ много денегъ на карманные расходы. Бобъ носилъ смокингъ и даже спалъ въ немъ, въ галстухѣ у него была большая булавка съ синимъ камнемъ, а на рукахъ желтыя съ поперечными полосами перчатки. Не смахивай онъ ими пылъ съ желтыхъ ботинокъ, такими перчатками можно было бы увлечь не одну женщину. Особенно на желѣзныхъ дорогахъ.

Едва только Бобъ усѣлся за карточный столъ, настроеніе сразу оживилось. Старый фермеръ, который хотѣлъ по своимъ часамъ узнать, много ли осталось времени до того часа, когда за нимъ придетъ въ клубъ жена и будетъ его у подъѣзда бить за проигрышъ, съ изумленіемъ увидѣлъ, что часовъ у него уже нѣтъ.

Это былъ старый циникъ, не вѣрившій въ чудо, поэтому онъ сразу заявилъ, что его обокрали. Прелестно обрѣзанная цѣпочка молча свидѣтельствовала о его правотѣ.

Молодой морякъ, съ оспеннымъ лицомъ, желая утѣшить бѣднягу, полѣзъ за серебрянымъ портсигаромъ, чтобы предложить ему папиросу.

Увы, ему удалось вытащить изъ кармана только сложенный рыболовный крючокъ. Поэтому ему быстро передало настроеніе стараго ротозѣя, и онъ

тоже началъ кричать о томъ, что за столомъ сидитъ воръ и ему надо оторвать голову.

Оба они нашли сочувствующую душу въ лицѣ Боба.



— Безусловно, — сказалъ

онъ, — у такого человека голова оставаться не должна, разъ у него такъ хорошо работаютъ руки.





Авторъ разсказа  
(шаржъ).

— А ру-  
ки у него  
работаютъ,  
какъ у моло-  
дого дьяво-  
ла,—съ за-  
вистью про-  
ш е п т а лъ  
Синки млад-  
шій.— Сра-  
зу узнать,  
гдѣ нахо-  
дятся двѣ  
цѣнныя ве-  
щи, и пе-  
реложить  
ихъ въ одно  
мѣсто...

Игра, ко-  
нечно, вре-  
менно обо-  
рвалась на  
всѣхъ сто-  
лахъ. Счаст-  
ливые игро-  
ки занялись  
подсчетомъ  
выигрыша,  
а неудачни-

ки заторопились на скандалъ, чтобы  
сорвать на комъ-нибудь потерю двухъ-  
трехъ долларовъ.

Очень долго рассказывать, что прои-  
зошло до того момента, когда внезапно  
прибѣжавшій изъ швейцарской Брей  
сразу ударилъ палкой по двумъ лам-  
памъ, предоставивъ веселому старикашкѣ  
Гризу разбить третью пустой бутылкой  
изъ-подъ джина. Въ бѣшеной темнотѣ  
слышалось только рычанье, громкіе  
удары и протестующій голосъ Боба, что  
приличному молодому человѣку нельзя  
зайти въ клубъ, гдѣ всѣ, начиная отъ  
старшинъ и ими же кончая, воры. Осо-  
бенно должна была показаться неприят-  
ной эта темнота оспенному моряку и  
старому фермеру, которыхъ Гризъ успѣлъ  
затолкать въ уголъ, братья Синку до-  
вольно удачно свалили ихъ на полъ, а  
Фичъ и Брей быстро перекладывали  
карманные вещи этихъ неудачниковъ къ  
себѣ. Брей по неопытности очень долго  
искалъ, гдѣ спрятанъ бумажникъ моряка,  
пока Бобу это не надѣло, и онъ, ткнувъ  
въ бокъ сосѣда по работѣ, шепнулъ ему:

— Брось, идиотъ. Я тебѣ потомъ по-  
кажу, гдѣ онъ. Очень хорошій бумаж-  
никъ. Главнымъ образомъ, великолѣпная  
мягкая кожа.

Когда и морякъ, и фермеръ одновре-  
менно сдѣлали попытку приподняться  
съ пола, Бобъ закричалъ душою раздираю-  
щимъ голосомъ, что его здѣсь въ углу  
грабятъ, и предложилъ случайнымъ  
компаньонамъ воспользоваться умѣстной  
въ данномъ случаѣ привычкой, быстро  
уходить изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оставаться  
дальше не стоитъ. Пока взбѣшенные  
игроки, добравшись въ темнотѣ до угла,  
молча били двухъ обиженныхъ джентль-  
меновъ, безосновательно считая ихъ во-  
рами, пять людей, имена которыхъ я  
такъ часто повторяю, были уже довольно  
далеко отъ клуба, и въ одномъ изъ тем-  
ныхъ переулковъ Бобъ рѣшился оста-  
новиться и вѣжливо снять цилиндръ:

— Мы, кажется, еще не знакомы,  
джентльмены?

— Это было большой ошибкой съ  
нашей стороны,—не менѣе вѣжливо до-  
бавилъ Гризъ,—тѣмъ болѣе, что наша  
случайная работа...

— О, не будемъ говорить о такихъ  
пустякахъ,—отмахнулся Бобъ.

— Если вы считаете пустяками,—  
обиженно замѣтилъ Синки младшій,—и  
часы этого старого осла, и портсигаръ  
рыбего верзилы, и бумажникъ одного  
изъ нихъ, и...

— На досугъ вы можете составить  
полный списокъ, заучить его и цѣть по  
воскресеньямъ на главныхъ улицахъ,—  
сухо бросилъ Бобъ,—васъ навѣрное уди-  
вляеть и сердить, почему я именно на  
васъ намекнулъ сосѣдямъ въ тотъ са-  
мый моментъ, когда старикъ сталъ кри-  
чать о своихъ карманныхъ часахъ...

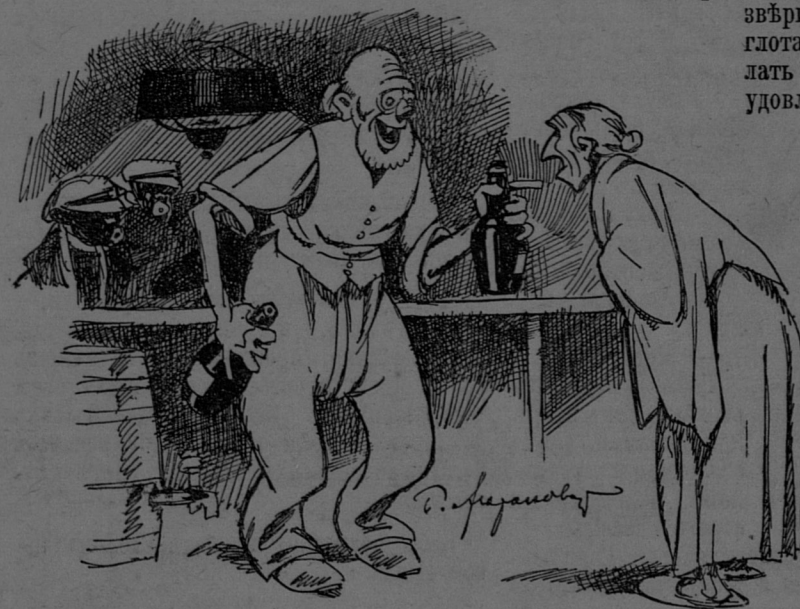
— Вы намекнули такъ, что меня уже  
схватили за ногу. Это свинство.

— По моему мнѣнію было бы свин-  
ство по отношенію ко мнѣ, если бы я  
самъ началъ рассказывать, что именно  
я взялъ эти вещи...

Брей, которому было безконечно жарко  
въ чужомъ пальто, рѣшительно заявилъ,  
что если знакомство состоится въ этомъ  
переулкѣ, около какой-то водосточной  
трубы, онъ предпочтетъ другое общество.

Всѣ быстро согласились, что кабачокъ  
болтуна Смиржиса, на одной изъ окраинъ,  
крайне способствуетъ сближенію душъ.  
Тѣмъ болѣе, что хозяинъ охотно покупаетъ  
краденое и сейчасъ же выдаетъ деньги.

Такъ, пустой случай помогъ тому, что  
пять негровъ, самыхъ отъявленныхъ  
негодяевъ Ойрама и его окрестностей,  
сошлись для общей работы. О томъ, ка-  
кое они всѣ производили впечатлѣніе,  
лучше всего говорить поступокъ Смир-  
жиса, пославшаго свою хроную тетку  
стоять около ближайшаго ночного сто-  
рожа и ждать въ случаѣ чего его, Смир-  
жиса, свистка.



— Это очень милые гости,—подума-  
въ, сказалъ этотъ опытный человѣкъ,—но,  
когда вблизи есть ночной сторожъ, я  
чувствую, что они выглядятъ еще сим-  
патичнѣе...

Около года Бобъ, братья Синки, Гризъ  
и Эммануилъ Брей жили и работали  
вмѣстѣ. Много рассказовъ о себѣ оста-  
вили они мѣстному обществу. Много  
удачъ пережили они вмѣстѣ, много и  
неудачъ пало на ихъ голову,—хотя бы  
та знаменитая исторія съ Гризомъ, когда  
онъ, выкравъ въ магазинъ большой ку-  
сокъ сукна, но наглости и забывчивости  
пошелъ тутъ же съ задняго хода про-  
давать его хозяину магазина.

Не было ни одного темнаго дѣла въ  
Ойрамѣ, въ которомъ бы не былъ за-  
мѣшанъ кто-нибудь изъ пяти негодяевъ.  
Даже въ исторіи съ...

Впрочемъ, кто-нибудь можетъ поду-  
мать, что я хочу превознести до небесъ  
этихъ черныхъ мерзавцевъ, рассказывать  
объ ихъ умѣ, ловкости,—это будетъ  
ошибочно. Я и заговорилъ объ этой  
темной компаніи только для того, чтобы  
рассказать объ Никорсѣ, молодомъ без-  
дѣльникѣ, котораго природа наградила  
такимъ умомъ, что, когда онъ встрѣтился  
съ Бобомъ и его компаніей, они всѣ  
оказались одуроченными какъ слѣпые  
щенки. Я такъ надѣлся съ ними, что  
о Никорсѣ и обо всей этой исторіи  
расскажу возможно короче.

Однажды, сидя въ каютѣ великолѣп-  
наго парохода, совершавшаго рейсы по  
Миссури, Бобъ съ удовольствіемъ посмо-  
трѣлъ на свои лохотые ногти и развязно  
обратился къ остальнымъ, которые давно  
уже признали его своимъ вожакомъ.

— Работа карточного шуллера,—тон-  
кая работа.

— Я думаю,—обидѣлся Синки млад-  
шій,—что вытаскивать бирюзу изъ  
колецъ подъ самымъ носомъ у ювелира  
тоже не такое легкое дѣло.

— Гризъ въ совершенствѣ умѣетъ  
откусывать стекла у бокаловъ,—нази-  
дательно отвѣтилъ Бобъ,—однако если  
бы всѣ занялись по специальности, то  
у насъ кромѣ стекла не было бы ника-  
кой другой пищи.

— Стекло не питательно,—  
вставилъ Брей,—только носороги въ  
звѣринцахъ могутъ  
глотать рюмки и дѣ-  
лать видъ, что это  
удовлетворяетъ.

— У ме-  
ня есть зна-  
комый носо-  
рогъ...

— Ос-  
тавъ, Гризъ.  
Никто это-  
му завидо-  
вать не бу-  
детъ. Дѣло  
не въ томъ.  
Я говорю,  
что опыт-  
ные шулле-  
ра, особен-  
но пароход-  
ные, како-  
выми мы

являемся сейчасъ въ этотъ лѣтній мѣсяцъ  
отдыха, прежде всего, должны слѣдить  
за каждымъ пассажиромъ, завязывать  
знакомства и замѣчать, кого можно при-  
гласить сыграть...



— Я уже примѣтилъ, — передалъ Фичъ, — съ нами ѣдетъ одна старая лэди.

— У нея одинъ долларъ въ старомъ заштопанномъ чулкѣ, Фичъ. Если ты обыграешь ее, она подыметъ такой скандалъ, что пароходъ сразу остановится посреди рѣки, и насъ на лодкѣ повезутъ къ прибрежному мировому судѣ.

Стали дѣлиться впечатлѣніями. Гризъ присмотрѣлъ одного иностранца, у котораго такъ болѣли зубы, что онъ навѣрное всю дорогу ничего не пилъ, не ѣлъ и охотно проиграетъ скопленные благодаря этому деньги. Оба Синки останавливались на чрезвычайно худомъ кушѣ въ золотыхъ очкахъ, все время ходившемъ по верхней палубѣ съ денежнымъ мѣшкомъ черезъ плечо.

— Бросьте, — рѣзко остановилъ Бобъ, — если къ концу рейса между пассажирами не будетъ сбора въ пользу этого джентльмена, у котораго не хватитъ на носильщика, можете меня повѣсить... Все это пустяки. Вотъ я замѣтилъ одного человѣчка...

И онъ, захлебываясь отъ восторга передъ своей наблюдательностью, сталъ описывать Никорса, который ѣхалъ на томъ же пароходѣ, въ отдѣльномъ купѣ перваго класса.

— Это безусловно содержатель большого театра или богатый кутила. Ему ужасно скучно. Цѣлые дни онъ, какъ страусъ, тянетъ шампанское или зѣваетъ, какъ окунь. Попробовалъ онъ поухаживать за одной хорошенькой пассажиркой, но та оказалась сборщицей пожертвованій въ пользу какого-то общества кривыхъ и нездоровыхъ старухъ. Я слышалъ самъ, какъ онъ ворчалъ: «Къ черту больныхъ старухъ»...

— Ты навѣрное говоришь о томъ джентльменѣ въ сѣромъ пальто и черномъ кэпи, Бобъ?

— Именно, Гризъ.

— Ну, такъ онъ мнѣ раза два уже предлагалъ сыграть въ карты...

— И ты, конечно, отказался, Гризъ?

— Ну, конечно. Можетъ быть у него ничего, кромѣ пустого чемо...

— Гризъ! Старый оселъ! Если еще разъ этотъ джентльменъ...

— Хорошо, иду, иду...

— Погоди.

Бобъ подумалъ, вынулъ портсигаръ, напомнившій всѣмъ объ одномъ разсѣянномъ человѣкѣ, и строго сказалъ:

— Вотъ что джентльмены. Если кто-нибудь попытается сразу обыграть этого джентльмена, я даю честное слово, что сверну тому голову на второй остановкѣ.

— Не хочешь ли ты, Бобъ, — испуганно спросилъ Синки старшій, — чтобы мы ему отдали всѣ наши сбереженія,

взяли отъ него фотографическую карточку на память и разошлись.

— При всей твоей глупости, ты очень разговорчивый, Синки. Въ игрѣ это вообще очень отрицательное явленіе. Я утверждаю одно, что пока мы не проиграемъ этому джентльмену нѣсколько сотъ долларовъ, его не удастся какъ слѣдуетъ втянуть въ игру... Гризъ, конечно, удовольствовался бы тѣмъ, что выигралъ у него сто долларовъ и спрятался бы въ машинномъ отдѣленіи. Намъ попалась крупная птица и нужно сумѣть изжарить. Когда джентльменъ почувствуетъ, что ему везетъ, онъ начнетъ удваивать ставки, а ужъ тогда... Не будь я умнѣ васъ на шесть головъ, если сегодня же вечеромъ въ этой каютѣ мы не будемъ дѣлить выигранныя десять, пятнадцать тысячъ долларовъ...

— Бобъ, — жалобно сказалъ Гризъ, — мнѣ очень не нравится твой планъ. Когда я вижу, что хоть одинъ мой долларъ попадаетъ въ чужія руки, у меня сразу начинаетъ болѣть сердце и ноги.

— Иди, Гризъ. Возьми вотъ этого Синки и сегодня же вечеромъ затѣвайте игру...

Никорсъ согласился сразу. Онъ пылливо осматривалъ всю компанію, предложилъ всѣмъ по сигарѣ съ великолѣпной этикеткой, но себѣ всунулъ въ ротъ другую. Во всякомъ случаѣ, самъ онъ курилъ довольно долго, но всѣ выбросили его сигары черезъ минуту. Отъ нихъ пахло какосовымъ масломъ и жженными перьями.

Сѣли играть въ каютъ-компаніи. Бобъ радужно рассказывалъ о томъ, какъ его и его компанію нѣсколько разъ обыгрывали паракходные шуллера, видя, что это все люди неопытные и до вѣрчивые.

Не отставалъ отъ него и Никорсъ. Онъ веселился, шутилъ и оказался самымъ приятнымъ партнеромъ.

— Шулера меня не обыгрывали, — говорилъ онъ, — а проигрывалъ я всегда. Если конечно, проигрывать начинаешь сразу, тогда просто бросаешь, но стоитъ мнѣ выиграть какую-нибудь тысячу долларовъ, — тогда начинаешь рисковать большими деньгами, голова идетъ кругомъ...

Бобъ подтолкнулъ подъ столъ ногой Грiza.

— Слышишь, старикъ?

— У тебя золотая голова Бобъ.

И Бобъ и оба Синки такъ хорошо работали привычными черными руками, что Никорсу сразу повезло.

— Этотъ дуракъ очень разсѣянъ, — шепнулъ Брей Бобу, — какъ это онъ не замѣтилъ, что выигралъ я, а не онъ... У него три очка, у меня четыре, а когда я ему подставилъ деньги, онъ схватилъ ихъ какъ кашалотъ...

Когда передъ Никорсомъ очутилось около трехъ сотенъ долларовъ, онъ сразу сталъ горячиться, руки у него задрожали, волосы растрепались и только глаза остались спокойные.

— Ключетъ, Бобъ, — пробормоталъ Брей.

— Еще какъ. Молчи. Скоро этотъ джентль-



менъ будетъ раздѣтъ... Вы побили, сэръ. Вамъ положительно везетъ... Вы уже успѣли обыграть насъ сотъ на восемь долларовъ.

Тогда Никорсъ вдругъ вспыхнулъ, хлопнулъ рукой по деньгамъ, сунулъ ихъ въ карманъ и сердито крикнулъ:

— Къ чорту эти дѣйствія игры! Играть, такъ играть! Я надѣюсь джентльмены не откажутся, если я поставлю покрупнѣе... У меня въ каютѣ есть достаточно этого золотого сора, чтобы пустить въ оборотъ нѣсколько тысячекъ...

Бобъ подмигнулъ Грizu.

— О, конечно... Если сэръ пожелаетъ поиграть, какъ играютъ мужчины, мы къ его услугамъ... Приятно имѣть дѣло съ такимъ партнеромъ...

— Ну, и конечно, — весело сказалъ Никорсъ, — сейчасъ я схожу въ каюту, захвачу деньжонокъ и начнемъ...

— Къ вашимъ услугамъ, сэръ, — наклонилъ голову Бобъ, искоса торжествующемъ взглядомъ посмотрѣвъ на Брея и на обоихъ Синки.

— Очень прошу васъ, — поправивъ галстукъ, сказалъ Никорсъ, — заказать пару бутылочекъ подогрѣтаго вина, пока я хожу... Я очень люблю побаловать имъ во время игры...

— Хорошо, сэръ.

Уже выходя изъ каютъ-компаніи, Никорсъ снова обернулся и съ любезной улыбкой напомнилъ:

— И чтобы эти дураки не въ горячую воду ставили вино, а надъ лампочкой... Понимаете...

— Сэръ, я самъ цѣнитель вина...

Когда Никорсъ ушелъ, Брей подошелъ къ Бобу и поцѣловалъ его въ голову.





— Бобъ, у тебя золотая голова.

— Не думаю. Иначе вы бы давно уже всё скрали бы ее и продали первому же жулику.

— Хорошо придумано, Бобъ, — ухмыльнувшись, протянул Гризъ, сейчас этот молодой придет съ деньгами...

— Брей! Негры никогда не были пророками, но может пере-хвать меня простой телёгой, если этот молодчик не уйдет отсюда без одного доллара...

Пока оба Синки заказывали вино, Бобъ, Фичъ и Брей тихо, но спокойно работали надъ картами.

— Скорѣй, Бобъ. Птица может прилетѣть.

— Ничего. Онъ тамъ запикиваетъ въ карманы свои доллары.

— И наши, — грустно вздохнулъ Брей.

— Ничего, ты съ ними сейчасъ по-здороваетесь, какъ старый знакомый.

Черезъ минуту пароходъ остановился около какой-то пристани, а въ каютъ-компанію вошелъ лакей и остановился около Боба.

— Пассажиръ изъ каюты № 17 просилъ передать вамъ, что если вы еще не заказывали вина, то чтобы оно было французскимъ. Они не любятъ мѣстныхъ винъ.

— Хорошо. Передайте, что будетъ французское. А гдѣ онъ самъ.

— Они говорятъ, что мѣняютъ у буфет-чика крупныя деньги, извиняются и сейчасъ придутъ.

— Ого, — сладко зажмурился Брей, — обзавается деньгами-то здорово.

— Брей! Развѣ же я не говорилъ тебѣ...

— Бобъ, — ты гений.

Протло еще десять минутъ. Синки младшій и Брей успѣли уже сыграть между собой и занять долларъ у Боба, Брей позѣвывалъ, а Никорсъ все еще не шелъ. Прошло полчаса, а Никорса не было.

— Сходика-ка, Брей, поторопи его, — распорядился Бобъ, — вино, молъ, остынетъ...

Брей поднялся наверхъ, повертѣлся около каюты Никорса, нѣсколько разъ откашлился и, наконецъ, постучался.

— Разрѣшите войти, сэръ?

Отвѣта не было. Брей постучался еще разъ.

— Положительно покойникъ былъ бы разговорчивѣе, — прошепталъ старый негодяй, — попробую еще разъ...

Увы, Брей могъ стучаться подъ рядъ

двое сутокъ, отъ этого ничего ни случилось.

— Что вы ломитесь въ чужія двери, — хмуро спросилъ кто-то, высовываясь изъ сосѣдней каюты.

— Вы будете спрашивать, когда я буду стучаться въ вашу.

— Впрочемъ, можете стучаться сколько угодно. Въ каютѣ навѣрно только пустыя бутылки, которыя оставилъ уѣхавшій джентельменъ.

Брей послѣ рассказывалъ, что у него сразу заболѣли печень и плечи. Онъ бросился къ мосткамъ, положеннымъ съ парохода на пристань, и схватилъ за руку дежурнаго матроса.

— Кто-нибудь сходилъ съ этого проклятаго парохода на эту проклятую пристань?

— Только сейчасъ сошла молодая леди.

— Къ черту леди. Раньше?

— Еще молодая леди?

— Къ черту. Раньше!

— Вы можете взять у капитана списокъ пассажировъ и посылать ихъ къ черту въ своей каютѣ. Здѣсь для этого не мѣсто. Еще сошелъ одинъ джентельменъ въ сѣромъ пальто...

— И въ черной кэпи?..

— Совершенно вѣрно. Съ двумя чемоданами.

Если бы пароходъ былъ длинны въ двѣ версты, все равно въ каютъ-компаніи услышали бы бѣшеный крикъ Брея.

— Это кричитъ Брей. Ни у кого нѣтъ больше такого непріятнаго голоса. Или онъ попалъ ногой въ машину, или уронилъ шляпу въ воду.

Онъ побѣждалъ внизъ и, когда увидѣлъ Брея, схватившагося за голову и танцующаго въ бѣшенствѣ около мостковъ, — Бобъ понялъ все сразу.

— Уѣхалъ, Брей?

— Бобъ... Бобъ... этотъ жуликъ, этотъ негодяй уѣхалъ съ нашими трудовыми долларами...

Бобъ первый овладѣлъ собой и, поигравъ перчаткой, виновато сказалъ:

— Брей, этотъ молодчикъ шулеръ...

— Зови его прокуроромъ, проклятый мальчишка, — заревѣлъ Брей, — но отдай наши восемьсотъ долларовъ...

Спустившійся сверху Гризъ тоже по-

нялъ сразу. Даже Синки поняли безъ долгихъ объясненій.

— Бобъ, — хмуро сказалъ Брей, — иди скорѣе наверхъ. А то вино для этого господина остынетъ. Можетъ ты побѣжишь за нимъ вслѣдъ и передашь ему это вино?

— Кстати, у насъ есть восемнадцать долларовъ, — вставилъ Синки старшій, — передать и ихъ ему...

Это было первое дѣло, когда Бобу перестали вѣрить остальные четверо. Въ теченіе двухъ лѣтъ, когда онъ предлагалъ что-нибудь оригинальное, они вытаскивали изъ памяти Никорса и предлагали Бобу побѣждать посовѣтоваться съ нимъ.

— У тебя золотая голова, Бобъ, — говорилъ въ этихъ случаяхъ Брей, — но она набита жеваной бумагой. У Никорса въ ней кое-что другое.

Зимой Бобъ встрѣтился съ Никорсомъ въ какомъ-то ва-шингтонскомъ клубѣ и по дружески пожалъ ему руку.

— Спасибо, Никорсъ.

— Не стоитъ, Бобъ. Дѣлаю, что умѣю.

— Хорошо сработали Никорсъ, — шепнулъ ему на ухо Бобъ, осторожно касаясь пальцемъ большой брилліантовой запонки на манжетѣ.

— Не настоящая, Бобъ, — подмигнулъ ему Никорсъ на запонку, — не беспокойтесь...

Арн. Буховъ.

И наша жизнь въ вѣкахъ потонетъ.  
Какъ плескъ смѣющейся волны,  
И смерть въ забвеніе уронитъ  
Всѣ наши думы, наши сны.

Земля не станетъ сиротливѣй,  
И также будетъ ночь страстна,  
Когда надъ дремлющею нивой  
Взойдетъ двурога луна.

И также страстны будутъ рѣчи,  
И также трепетны уста  
Въ тотъ мигъ, когда задула свѣчи  
Осуществленная мечта.

И черезъ нѣсколько столѣтій  
Родимся въ этой жизни вновь,  
Чтобъ пережить земныя цѣпи,  
Земную повторить любовь.

Дм. Старкъ.





## НОРВЕЖСКАЯ „КАСТРЮЛЯ“:—КУХНЯ БЕЗЪ ТОПЛИВА И ЛЕДНИКЪ БЕЗЪ ЛЬДА

Россія не единственная страна, испытывающая топливный кризисъ: война породила острый тепловой голодъ и въ Германіи, и во Франціи, и въ Италіи. Всѣ усилія ученыхъ теоретиковъ и практиковъ уже съ перваго года войны обращены тамъ на изысканіе новыхъ источниковъ тепла, новыхъ видовъ горючаго, новыхъ путей сбереженія топлива. Тепловой голодъ въ теченіе послѣдняго года дошелъ на Западѣ до того, что затронулъ не только промышленность, но и частныя хозяйства. Недостатокъ топлива ощущается не на однихъ лишь заводахъ и фабрикахъ, но даже на кухнѣ каждаго отдѣльнаго обывателя.

Пришлось серьезно задуматься надъ тѣмъ, какъ съэкономить топливо при приготовленіи пищи, какъ обойтись при стряпаньи наименьшимъ количествомъ угля, дровъ, газа, спирта, керосина.

Въ поискахъ способовъ экономичекой «стряпни» вспомнили о старинномъ народномъ изобрѣтеніи—о такъ называемомъ «самоварителѣ», норвежской кухнѣ, или «согрѣвательномъ сундукѣ», которымъ издавна пользуется сельское населеніе чуть не всей Западной Европы, отъ Италіи до Норвегіи. Вспомнили, испробовали, подвергли даже научному испытанію и нашли, что это созданіе народного практическаго ума удовлетворяетъ самымъ лучшимъ образомъ тому, чего ищутъ физики и инженеры въ своихъ лабораторіяхъ.

Съ тѣхъ поръ «самоваритель» попалъ въ честь. О немъ стали писать въ научныхъ журналахъ Германіи, Франціи и Италіи, восхвалять въ общей прессѣ; солидные фирмы соперничаютъ другъ съ другомъ въ выработкѣ наиболѣе удобнаго и наряднаго типа этого народнаго кухоннаго прибора.

И надо по справедливости признать, что столъ исключительное вниманіе является въ данномъ случаѣ вполне заслуженнымъ. Самоваритель превосходнымъ образомъ служитъ своему назначенію, давая поистинѣ огромное—до 60—70 процентовъ и болѣе!—сбереженіе топлива при приготовленіи горячихъ кушаній. При томъ же устройство его настолько просто, что его безъ большого труда можетъ изготовить всякій, пользуясь обыкновенными, имѣющимися подъ рукою матеріалами.

На прилагаемыхъ рисункахъ представленъ внѣшній видъ самоварителя и его разрѣзъ (продольный). Какъ видите, это обыкновенный ящикъ—деревянный или жестяной, въ который помѣщаютъ горшокъ съ нагрѣтой пищей для того, чтобы она доварилась въ немъ безъ всякаго дальнѣйшаго подогреванія. Пространство между стѣнками горшка и стѣнками ящика набиваютъ матеріалами, дурно проводящими теплоту. На крышку горшка также накладываютъ подушку, набитую такимъ матеріаломъ—и горшокъ, укутанный со всѣхъ сторонъ, остается достаточно горячимъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Къ этому сроку пища окончательно доваривается и по-

дается на столъ безъ всякаго дополнительнаго нагрѣванія на плитѣ.

Физическій принципъ самоварителя тотъ же, что и принципъ одѣяла или шубы. Вѣдь шуба сама по себѣ не грѣетъ, не сообщаетъ нашему тѣлу тепла: она только сохраняетъ ту теплоту, которая уже имѣется въ нашемъ тѣлѣ, препятствуя ей уходить въ окружающее пространство. *Если вы закутаете въ шубу термометръ, онъ не поднимется ни на одинъ градусъ.* Но если вы закутаете въ шубу бутылку съ горячей водой, то вода еще въ теченіе нѣсколькихъ часовъ останется горячей. Въ



самоварителѣ роль такой шубы играютъ тѣ вещества, которые окружаютъ горшокъ со всѣхъ сторонъ: они препятствуютъ теплотѣ горшка разсѣиваться въ пространство.

Если самоваритель устроенъ хорошо, то кипящая вода, какъ показали спеціальныя опыты въ лабораторіяхъ, еще спустя два часа имѣетъ температуру 80 градусовъ, а спустя 5 часовъ—70—60 градусовъ. Неудивительно, что при такой температурѣ пища не только сохраняетъ съѣдобность, но и продолжаетъ довариваться. Предварительное же нагрѣваніе пищи, на плитѣ, можетъ быть весьма непродолжительнымъ—*отъ 5 минутъ до получаса*, въ зависимости отъ рода продуктовъ. Приведемъ нѣсколько цифровыхъ указаній, полезныхъ при пользованіи самоварителемъ на практикѣ.

|                    | Предварительное нагрѣваніе въ кипятокѣ: | Довариваніе въ самоварителѣ: |
|--------------------|-----------------------------------------|------------------------------|
| Рисъ . . . . .     | 5 мин.                                  | 2—3 часа.                    |
| Картофель . . . .  | 10 »                                    | 1—4 »                        |
| Капуста . . . . .  | 15 »                                    | 1—3 »                        |
| Овсяная крупа . .  | 15 »                                    | 3—4 »                        |
| Тушеное мясо . . . | 20 »                                    | 2—3 »                        |
| Горохъ . . . . .   | 25 »                                    | 4 »                          |
| Брюква, морковь .  | 25 »                                    | 3—4 »                        |
| Вареное мясо . . . | 25 »                                    | 3—4 »                        |
| Супы изъ корен . . | 30 »                                    | 1—4 »                        |

Помѣстивъ горшокъ съ пищей въ самоваритель и плотно закрывъ его, нельзя открывать его до окончательнаго

приготовленія кушанья—иначе температура въ горшкѣ сразу рѣзко понизится. Поэтому кушанье вынимаютъ изъ самоварителя лишь непосредственно передъ тѣмъ, какъ подать ихъ на столъ.

Въ Германіи и во Франціи имѣются въ продажѣ готовые самоварители самыхъ различныхъ размѣровъ и фасоновъ. У насъ ихъ приобрести готовыми нельзя; приходится заказывать или устраивать самому. Дадимъ поэтому нѣсколько практическихъ указаній для тѣхъ, кто пожелалъ бы изготовить самоваритель домашними средствами. Ящикъ—если не жестяной, то деревянный или даже картонный—найдется въ каждомъ домѣ. Въ него вставляютъ изъ плотнаго картона цилиндръ такихъ размѣровъ, чтобы горшокъ входилъ въ него по возможности вплотную. Все пространство подъ внутреннимъ цилиндромъ и кругомъ него забиваютъ какимъ-нибудь рыхлымъ матеріаломъ, дурно проводящимъ теплоту. Для этого годится солома, древесные опилки, газетная бумага, шерстяныя тряпки, пакля, обрѣзки пробки отработанныя электрическія лампочки (почти абсолютно пустыя). Горшокъ слѣдуетъ закрывать возможно плотно крышкою, чтобы изъ него не выходилъ паръ, который увлажняетъ изолирующіе матеріалы и дѣлаетъ ихъ проводниками тепла. На крышку накладываютъ подушку, набитую также войлокомъ или сухой соломой, и все это сверху закрывается крышкою ящика.

Какъ видимъ, устройство самоварителя настолько незамысловато, что изготовить его самому весьма легко. Выгоды же, представляемыя имъ, поистинѣ огромны. Въ сущности, это—не что иное, какъ общезвѣстный походный «термосъ», только въ большемъ форматѣ и болѣе примитивнаго устройства. И, подобно термосу, самоваритель *вполнѣ пригоденъ не только для сохраненія горячаго, но и для храненія холоднаго.* Холодный напитокъ, поставленный внутри самоварителя, очень долго остается холоднымъ, такъ какъ изолирующіе матеріалы мѣшаютъ притоку



къ нему теплоты извнѣ (извѣстно, что ледъ весьма медленно таетъ, если его закутать въ «теплую» шер-

стяную матерію). Поэтому, тотъ же самоваритель, безъ всякихъ передѣлокъ, можетъ, при желаніи, служить и чѣмъ-то въ родѣ комнатнаго ледника. Въ лѣтнее время можно сохранять въ немъ напитки и разные продукты, портящіеся отъ тепла, при томъ, однако, непрѣмномъ условіи, что ихъ предварительно остуживаютъ и помѣщаютъ въ самоваритель холодными. При отсутствіи льда такой упрощенный холодильникъ можетъ сослужить въ хозяйствѣ хорошую службу.



Въ день рожденія принцессы...

Въ день рожденія принцессы  
Самъ король Жеромъ IV-ый  
Подарилъ ей послѣ мессы  
Четверть царства и два торта...

Королева-мать Эльвира,  
Приподнявъ главу съ подушки,  
Подарила ей полмира  
И горячія помпушки.

Братъ Антоніо-каноникъ,  
Мужъ святой, смиренно-кроткій,  
Подарилъ ей новый сонникъ  
И гранатовыя четки

Два пажа, за неимѣнемъ  
Денегъ, взяли за эфесы  
И проткнулись во мгновенье  
Въ честь прекрасныхъ глазъ  
принцессы.

Только пажъ Гильомъ-повѣса,  
Притаившійся подъ аркой,  
Въ день рожденія принцессы  
Оказался безъ подарка.

Но ему упреки втунѣ!  
Онъ стоитъ, и въ усь не дуетъ:  
Подарилъ ей наканунѣ  
Сорокъ тысячъ поцѣлуевъ...

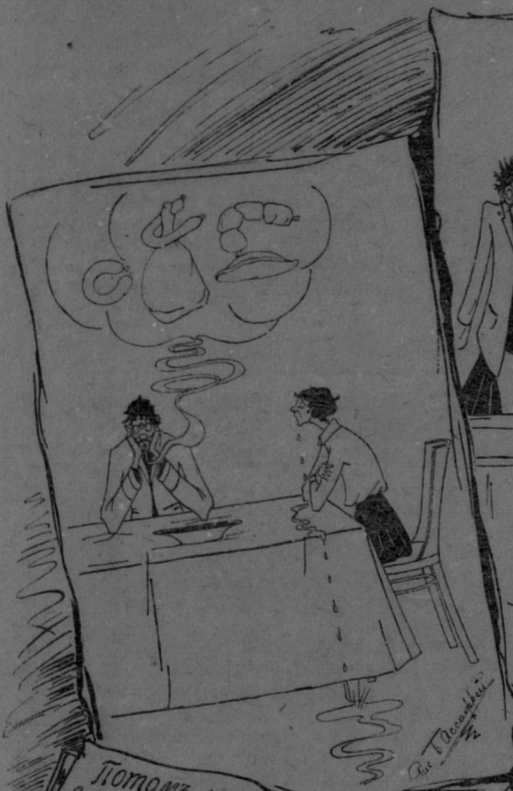
Н. Агнивцевъ.

# ДЕНЬ РУССКАГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

ВЪ АПРѢЛѢ  
1918 г.



Послѣ сытнаго обѣда - моционъ.  
Потолкаться среди людей, набратъ  
ся свѣжихъ новостей, подлѣиться  
впечатлѣніями интеллигент-  
нымъ людямъ необходимо. Полезное  
соединить съ пріятнымъ вошло въ  
привычку у супру-  
говъ



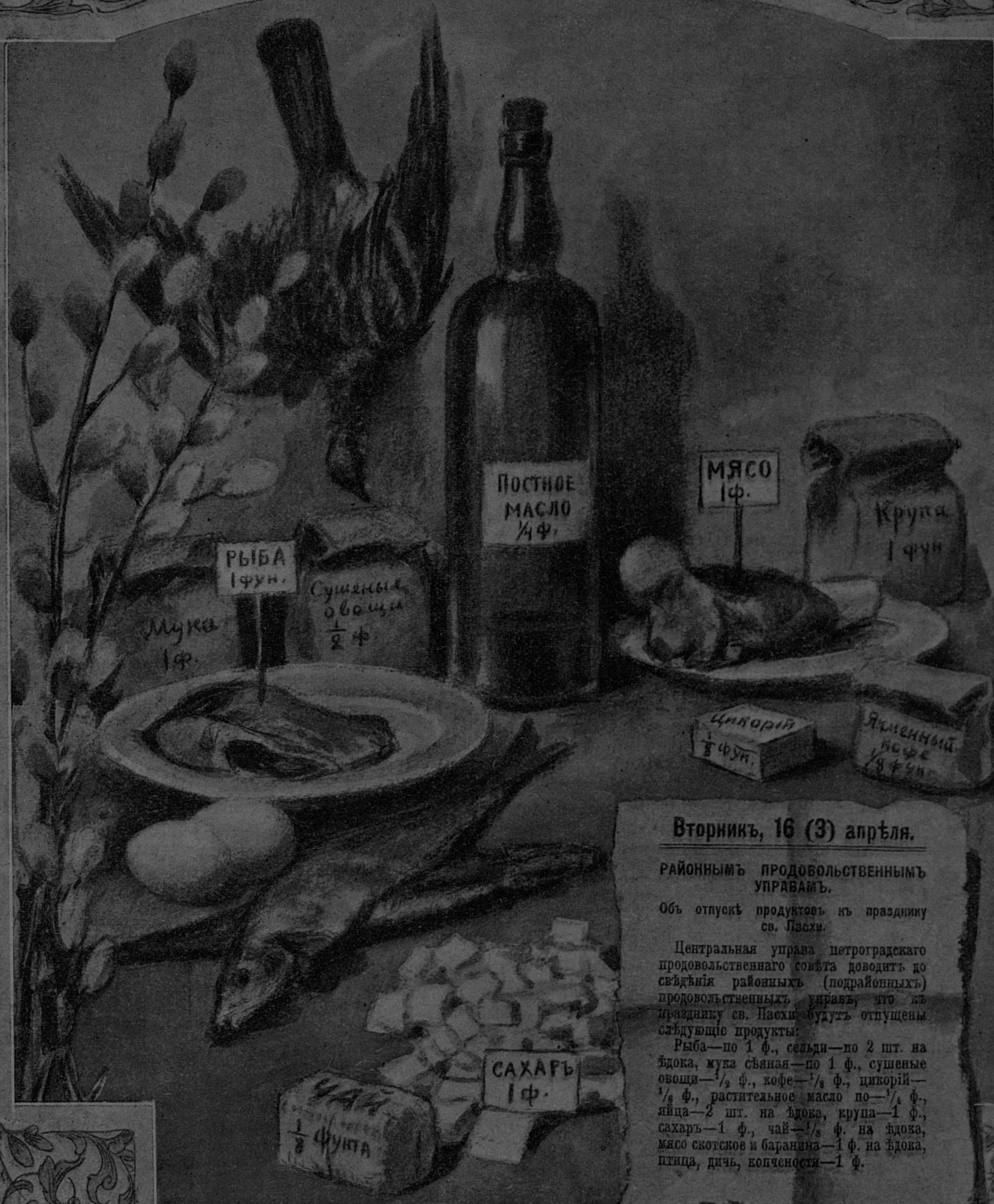
Пародіи на "Основа" Б. Аксакова и М. Водина.



1918

312 нчз

1918  
N9



Вторникъ, 16 (3) апрѣля.

РАЙОННЫМЪ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫМЪ  
УПРАВЛѢНІЕМЪ.

Объ отпускѣ продуктовъ къ празднику  
св. Пасхи.

Центральная управа петроградскаго  
продовольственнаго совѣта доводитъ до  
свѣдѣнія районныхъ (подрайонныхъ)  
продовольственныхъ управъ, что къ  
празднику св. Пасхи будутъ отпущены  
слѣдующіе продукты:

Рыба—по 1 ф., сельди—по 2 шт. на  
ѣдока, мука съяная—по 1 ф., сушеные  
овощи— $\frac{1}{2}$  ф., кофе— $\frac{1}{8}$  ф., цикорий—  
 $\frac{1}{8}$  ф., растительное масло по— $\frac{1}{8}$  ф.,  
яйца—2 шт. на ѣдока, крупа—1 ф.,  
сахаръ—1 ф., чай— $\frac{1}{8}$  ф. на ѣдока,  
мясо скотское и баранина—1 ф. на ѣдока,  
птица, дичь, копчености—1 ф.

Рисунокъ худ. журнала „Огонекъ“ И. ВЛАДИМИРОВА.

Редакторъ Владимиръ Бонди.

Первая Государственная Типографія.

Издатель С. М. Проптеръ.